

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02. Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ Т.МЭЙ И А.МЕРКЕЛЬ)

Выпускник

А.П. Свищева

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. каф ТГЯиМКК

Л.М. Штейнгатт

Нормоконтролер

С.В. Кузьмина

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	9
1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике	9
1.1.1 Дискурс в зарубежных лингвистических исследованиях	9
1.1.2 Дискурс в отечественных лингвистических исследованиях	14
1.2. Политический дискурс как предмет лингвистического изучения.....	18
1.2.1. Общая характеристика политического дискурса: содержание и границы.....	18
1.2.2. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса	23
1.3. Жанровые характеристики политического дискурса	26
1.3.1. Проблемы выделения жанров в политическом дискурсе	26
1.3.2. Интервью в жанровом пространстве политического дискурса...	29
1.4. Коммуникативные стратегии и тактики как средство речевого воздействия в политическом дискурсе	31
1.4.1. Сущность коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики	31
1.4.2. Стратегия самопрезентации: понятие и способы реализации.....	33
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	38
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	40
2.1. Языковые средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в текстах интервью Т. Мэй.....	40
2.1.1. Лексические средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью Т. Мэй	40
2.1.2. Грамматические средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью Т. Мэй	54
2.2. Языковые средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в текстах интервью А. Меркель	63
2.2.1. Лексические средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью А. Меркель	63
2.2.2. Грамматические средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью А. Меркель	71
2.3. Сравнительный анализ средств реализации стратегии самопрезентации в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе	78
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	83

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	89
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	95

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день политика представляет собой неотъемлемую часть жизни общества, главной задачей которой является урегулирование и согласование интересов всех слоев населения. Политические лидеры, будучи выразителями сложившихся общественных устремлений и нужд, представляют страну и ее народ как внутри государства, так и на международной арене, определяют вектор, согласно которому будет развиваться социум. Однако, чтобы общество прислушалось к политику, а в дальнейшем пошло за ним и отдало свой голос, политик должен презентовать себя в положительном свете, тем самым заполучив массовую поддержку.

Настоящая работа посвящена исследованию стратегии самопрезентации и ее реализации посредством различных языковых средств в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе на материале интервью двух политических лидеров: премьер-министра Великобритании Терезы Мэй и канцлера Германии Ангелы Меркель.

Актуальность темы обусловлена тем, что в XXI веке с развитием демократии на Западе проблемы языка и власти, языка и идеологии, языкового манипулирования стали особенно актуальными. Одним из столпов демократии считается свобода прессы. Освобождение СМИ от строгой цензуры привело к тому, что потенциальный избиратель получил возможность более тщательно «следить» за работой государственных деятелей. Сегодня слово, которое обращает политик к публике, не останется незамеченным, телевидение и интернет мгновенно передадут его общественности. Отсюда следует вывод, что политики уделяют особое внимание той информации, которую преподносят потенциальному избирателю. Успешное прогнозирование аудитории, ее ожиданий и предполагаемых реакций определяет выбор коммуникативных стратегий и тактик, которые помогут политику «заполучить» электорат, его поддержку в

виде отданного голоса.

Соответственно, любой политический лидер стремится осуществить политическую коммуникацию, используя целый ряд лексических и грамматических средств в своей речи с целью реализации стратегии самопрезентации. Кроме этого, актуальность состоит и в выборе материала для анализа. В связи с последними парламентскими выборами в Германии (24.09.2017) партия Ангелы Меркель (консервативный блок ХДС/ХСС) вновь заняла лидирующие позиции. В избирательной гонке сражались кандидаты от более чем 30 партий, однако А. Меркель, несмотря на напряженную ситуацию в обществе в связи с увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов из Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и огромные разногласия среди ее членов, удалось пройти на четвертый срок.

Коллега А. Меркель Т. Мэй, напротив, несмотря на то, что победила во внеочередных парламентских выборах (08.06.2017), согласно мнению экспертов, потерпела поражение, в результате чего консервативная партия, представителем которой является Т. Мэй, была вынуждена разделить власть.

Целью данной работы является когнитивно-прагматический, а также сравнительный анализ языковых средств реализации стратегии самопрезентации в текстах интервью Т. Мэй и А. Меркель.

Для осуществления обозначенной цели служат следующие **задачи**:

- 1) Раскрыть содержание исходных понятий (дискурс, политический дискурс, интервью, самопрезентация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика).
- 2) Рассмотреть понятие политического дискурса как одного из видов институционального общения.
- 3) Описать интервью как жанр политического дискурса.
- 4) Рассмотреть коммуникативные стратегии и тактики как средство речевого воздействия.

5) Выявить, проанализировать и систематизировать языковые средства, реализующие стратегию самопрезентации и ее тактики в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе.

б) Провести сравнительный анализ языковых средств, реализующих стратегию самопрезентации и составляющих ее тактик в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе.

Объектом изучения является стратегия самопрезентации в современном политическом дискурсе Великобритании и Германии.

Предмет изучения – языковые средства реализации стратегии самопрезентации, а также составляющих ее тактик в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе.

Гипотеза: 1) Можно предположить, что А. Меркель удалось выстроить успешную политическую коммуникацию ввиду грамотного использования языковых средств реализации стратегии самопрезентации и сопутствующих ее тактик, что позволило канцлеру получить большинство голосов электората. 2) Кроме этого, следует ожидать, что выбор Т. Мэй языковых средств не смог произвести должного эффекта на избирателя, что привело к провальной реализации стратегии самопрезентации.

Материалом исследования являются 20 текстов интервью Т. Мэй и А. Меркель за 2017 год (общее число знаков составляет 76 244 знака). Источником послужили такие электронные ресурсы, как сайты BBC, The Spectator, ITV News, Channel 4 news, а также сайт Федерального правительства Германии (Die Bundesregierung). Иллюстративным материалом в практической главе послужили 9 текстов интервью (общее число знаков – 41 403 знака).

Основная теоретико-методологическая база данного исследования включает в себя работы по изучению дискурса (М. Стаббс, 1983; Н.Д. Арутюнова, 1990; П. Серио, 1999; Т.А. ван Дейк, 2000; В.И. Карасик, 2002; А.А. Кибрик, 2003 и др.), политического дискурса (Е.И. Шейгал, 2000; В.И. Карасик, 2002; А.П. Чудинов, 2012; D. Crystal, 1987; D. Busse, 1994;

P. Chilton, 2004; и др.), коммуникативных стратегий и тактик (М.Л. Макаров, 2003; О.Н. Паршина, 2005; О.С. Иссерс, 2008; R.V. Cialdini, 1980; E. Jones, 1982; Chafe, 1987; и др.), а также жанра интервью (А.К. Михальская, 2000; О.Н. Паршина, 2005 и др.).

В данном исследовании используется дескриптивный метод, включающий приемы сопоставления, обобщения и классификации анализируемого материала, метод контекстуального анализа, нацеленный на исследование языковых единиц с учетом лингвистических и экстралингвистических контекстов, а также метод сплошной выборки.

Практическая значимость изучения стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик заключается в возможности использования полученных результатов лингвистами и дипломированными специалистами в области политики. Практические материалы данного исследования могут быть использованы в спецкурсах и семинарах по политической лингвистике, политологии, а также при написании учебников и учебно-методологических пособий.

Поставленные цели и задачи определяют **структуру** данной работы. Выпускная квалификационная работа общим объемом в 95 страниц состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованных источников, включающего 62 наименования, в том числе 11 источников на иностранных языках, списка источников примеров из 9 наименований.

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, характеризуется состояние изученности вопроса, указываются объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, ее общая методика, практическая значимость, определяются гипотезы настоящего исследования, называются источники фактического материала, приводятся данные о ее структуре.

В Главе 1 «Теоретические основы изучения политического дискурса» рассматриваются следующие проблемы: дискурс в рамках дискурсивной

парадигмы лингвистического знания, специфика политического дискурса, интервью в жанровом пространстве политического дискурса, понятие самопрезентации, а также коммуникативные стратегии и тактики как средство речевого воздействия.

В Главе 2 «Реализация стратегии самопрезентации в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе» исследуются языковые средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в текстах интервью Терезы Мэй и Ангелы Меркель на лексическом и грамматическом уровнях. Также проводится сравнительный анализ языковых средств реализации стратегии самопрезентации в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе.

В Заключении обобщаются результаты проведенного анализа, их соотношение с общей целью и конкретными задачами, поставленными во введении, и намечаются перспективы дальнейшего изучения рассматриваемых в работе проблем.

Апробация работы: основные положения данного исследования были представлены на международных научно-практических конференциях молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в г. Красноярске (2018, 2019). По теме исследования автором опубликована статья в научном журнале *Siberia Lingua* (ИФиЯК, вып. №3, 2018).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике

1.1.1 Дискурс в зарубежных лингвистических исследованиях

Во второй половине XX века после смены парадигм научного знания и признания антропоцентрической парадигмы лингвистическим сообществом, «дискурс» стал одним из центральных терминов не только в лингвистике и смежных ей дисциплинах (например, социолингвистике, психолингвистике, политической лингвистике), но и в антропологии, культурологии, социологии и многих др. На современном этапе развития лингвистической теории ученые не выделяют единого определения «дискурса», что объясняется его широкой семантикой. В настоящее время существуют различные подходы к изучению данного понятия, зависящие напрямую от сферы интересов того или иного ученого.

3. Харрис, американский лингвист, одним из первых использует термин «дискурс-анализ» («discourse analysis») в 50-е годы XX века. В одноименной статье рассматриваются различные методологические принципы, ориентированные на изучение таких языковых единиц, как сегментация, дистрибуция и др. [Harris, 1952]. Однако свое активное развитие за рубежом как самостоятельная дисциплина теория дискурса получила лишь в 60-е годы XX века.

Значительный вклад в изучение дискурса внес Т.А. ван Дейк, профессор Амстердамского университета. В 60-70-е годы дискурс определяется ученым как последовательность связных предложений или связных речевых актов [ван Дейк, 2000]. Однако в 80-е годы понятие «дискурс» претерпевает значительные изменения и трансформируется. В этот период Т. А. ван Дейк в рамках изучения когнитивных механизмов обработки дискурса выделяет два типа репрезентации знаний: «модель

ситуации» и «суперструктуру». Согласно Т.А. ван Дейку, «модель ситуации» является неким базисом, позволяющим интерпретировать тексты, а также воспринимать их имплицитные составляющие. Иными словами, без четкого понимания ситуации адекватное восприятие текста будет невозможно, так как ситуационная модель включает в себя не просто какое-то общее, абстрактное знание, а подразумевает личностный опыт говорящего, его цели и чувства. Второй тип представления знаний («суперструктура») характерен для специфических типов текста. Данный тип определяет и организует различные тематические макроструктуры [ван Дейк, 2000]. Так, например, политическая статья информационного характера будет отличаться по своей организации от газетной заметки. Как правило, политическая статья состоит из следующих частей: заголовок, аннотация, ключевые слова, введение, обзор методологической базы, основная часть, выводы и список литературы. В то время как газетная заметка имеет небольшой объем и включает в себя такие макроструктуры, как заголовок, подзаголовок, введение и основной текст.

Исходя из упомянутых выше типов обработки дискурса («модель ситуации» и «суперструктура»), мы видим, что рассматриваемое нами понятие к концу XX столетия расширяется и усложняется. Так, уже в 80-е годы «дискурс» рассматривается учеными не просто как «последовательность предложений», а как целое «сложное коммуникативное явление, которое учитывает экстралингвистические факторы, такие как представление о мире, определённый набор установок и целей адресата» [ван Дейк, 2000: 8]. Иными словами, согласно данной трактовке, порождение и восприятие дискурса не может быть обусловлено только пониманием общих смыслов. Также важно учитывать контекст, к которому апеллирует коммуникант.

Отметим, что в 90-е годы значительный вклад в развитие дискурс-анализа внесли представители Французской школы (П. Серио, М. Пеше,

Г. Парре, Ж. Курте, Э. Бенвенист, А. Греймас, и др.), методологической базой которой стал структурализм. Одним из результатов исследований стало разграничение «дискурса» с «высказыванием». Согласно швейцарскому лингвисту П. Серио, «высказывание представляет собой последовательность фраз, которая заключена между двумя семантическими пробелами или двумя остановками в коммуникации». В то время как «дискурс является высказыванием, которое рассматривается с позиции дискурсного механизма» [Серио, 1999: 26].

Кроме этого, французские лингвисты разграничили не только такие понятия, как «высказывание» и «дискурс», но и противопоставили друг другу «дискурс» и «текст», согласно следующим характеристикам:

1) процесс (дискурс) – продукт (текст); 2) диалогичность (дискурс) – статичность (текст); 3) актуальность (дискурс) – виртуальность (текст). Представленные дифференциальные признаки позволили ученым говорить о «дискурсе» как о форме естественного общения, тогда как текст принадлежит к письменной форме общения и не всегда означает реальную коммуникацию.

Так, по И.Р. Гальперину, «текст» представляет «произведение речетворческого процесса, обладающее завершённой, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981: 4].

Представитель французской школы Э. Бенвенист также отмечает, что основное внимание в «дискурсе» следует обращать на интенции говорящих. Данный компонент (намерения) позволил лингвистам рассматривать «дискурс» как речь, обусловленную прагматическими и социальными факторами, а также как речь, наполненную многочисленными интенциями

коммуникантов. В рамках антропоцентрической парадигмы языка, согласно Э. Бенвенисту, стало возможным рассмотрение «дискурса» как «функционирования языка в живом общении» [Бенвенист, 1974: URL]. Данную позицию также поддержал Д. Кристал, британский филолог и языковед, назвав главным фокусом «дискурса» живой язык, например, комментарий или интервью [Crystal, 1987].

Вслед за французскими лингвистами, немецко-австрийская и американская школы внесли существенный вклад в разработку социолингвистического подхода к изучению дискурса. Так, немецкий лингвист У. Маас определяет дискурс как «соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определённой общественной практике», иными словами, дискурсивный анализ рассматривается как «средство исторической, идеологической и психологической реконструкции духа времени» [Масс, 1984: 204]. Немного позже в рамках лингвистического анализа, также, будучи последователями немецкой школы, Д. Буссе и В. Тойберт определяют дискурс как набор виртуальных корпусов текстов. Данные корпусы объединены на основании двух критериев: 1) содержательный и 2) семантический. Более того, они исследуют дискурс, опираясь на три категории: 1) период времени (Zeitraum); 2) коммуникативное пространство (Kommunikationsbereich); 3) тип текста (Texttypik) [Буссе, 1994]. Согласно ученым, «дискурс» представляет собой открытую систему, состоящую из высказываний, связанных временными и пространственными рамками.

В данной работе мы принимаем во внимание тот факт, что «дискурс» — это открытая система. Мы также учитываем исследования американской школы дискурса, основой которых послужили такие дисциплины, как антропология, социология и психология (Дж. Браун, Т. ван Дейк, Г. Закс, Н. Фэркло, З. Харрис и др.). Ученые данной школы приравнивают «дискурс» к диалогу, рассматривают как его вербальные, так и невербальные

компоненты. Кроме этого, американская школа выделяет письменный и устный дискурс.

Американский лингвист У. Чейф отмечает следующие отличительные черты письменной и устной речи:

- 1) временной режим;
- 2) отсутствие (отстраненность)/ наличие (вовлеченность) контакта между адресатом и адресантом («Speaking is done on the fly, while writing is both slow and editable») [Chafe, 1987: 4].

Согласно ученому, для устного модуса характерно такое явление, как фрагментация речи. Иными словами, речь порождается просодическими единицами. При письменном дискурсе, напротив, происходит интеграция, когда различные сложные синтаксические конструкции и предложения объединяются в единое целое [Chafe, 1982].

Так, мы описали основные этапы развития теории дискурса за рубежом. В рамках данной работы, чтобы более четко сформировать понимание сущности дискурса, обратимся к его трем основным характеристикам, согласно классификации М. Стаббса. Их можно отнести к общим принципам, которые мы также принимаем как универсальные. Так, в понимании М. Стаббса, «дискурс» превосходит предложение по объему, применяется в социальном контексте, а также относится к интерактивным явлениям [Stubbs, 1983]. В дополнение к данным признакам дискурса, Д. Хоторон также отмечает, что «дискурс» всегда конкретен и прагматичен, более того, имеет структуру, обладающую сложной глубокой связью [Hawthorn, 1992].

Таким образом, исходя из многообразия представленных выше положений о понятии «дискурса», мы видим, что позиции зарубежных ученых разнятся, однако все они доказывают актуальность дискурсивных исследований. Взаимодействуя с разными отраслями знаний, образуя множество теорий дискурса, у ученых появляется возможность развивать не только данное направление, но и междисциплинарные направления.

1.1.2 Дискурс в отечественных лингвистических исследованиях

Важно сказать, что теория дискурса стремительно развивается не только за рубежом. На сегодняшний день данное направление стало неотъемлемой частью и отечественной лингвистики. Однако толчок развития теория дискурса получила значительно позже, чем в Европе и Америке. Долгое время в отечественной лингвистике социальная направленность дискурса не учитывалась, так как первоначальное развитие лингвистики текста происходило в рамках системно-научной парадигмы, для которой характерно изучение единиц языка в закрытой системе, то есть системно-научная парадигма не давала возможности ученым изучить язык в совокупности с экстралингвистическими факторами и рассматривать «дискурс» как открытую систему. Однако в результате становления антропоцентрической парадигмы знания в центр лингвистических исследований встал человек, а отечественные лингвисты, вслед за иностранными коллегами, стали рассматривать «дискурс» неотрывно от реальности. По мнению Н.Д. Арутюновой, «дискурс» определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами». Кроме этого, согласно Н.Д. Арутюновой, дискурс следует рассматривать как «целенаправленное социальное действие, которое позволяет обеспечить взаимодействие людей и механизмов их сознания» [Арутюнова, 1990: 136].

В 80-е годы определение понятия «дискурс» закрепилось в отечественной лингвистике как синоним слову текст. Т.М. Николаева дает следующие определения «дискурсу»:

- 1) связный текст;
- 2) устная разговорная форма текста;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, которые связаны по смыслу;
- 5) речевое произведение (в письменной или устной форме)

[Николаева, 1978; цит. по Степанов, 1995: 36].

Российский лингвист А.А. Кибрик, вслед за представителями французской школы, описывает две составляющие, которые включает в себя дискурс:

- 1) динамический процесс;
- 2) результат языковой деятельности.

В дополнение к этому, А.А.Кибрик выделяет четыре параметра, которые позволяют рассмотреть «дискурс» с разных сторон:

- 1) функциональный стиль;
- 2) жанр;
- 3) формальность;
- 4) модус [Кибрик, 2003].

Согласно представленной выше классификации, модус относится к главному признаку и подразделяется на устный и письменный. Традиционно считается, что именно устный дискурс является фундаментальной языковой формой, в то время как письменный лишь порождением от устного, некой вторичной разновидностью языка. Ранее мы упоминали устный и письменный модус в интерпретации американского лингвиста У. Чейфа. В дополнение к основным модусам А.А. Кибрик также выделяет:

- 1) жестовой модус (основан на визуальном общении);
- 2) мысленный модус (внутренний диалог);
- 3) электронный субмодус (появился в результате развития технологий, к нему относится, например, электронная переписка, телефонный звонок, онлайн-чаты и др.) [Там же].

Такое разграничение А.А. Кибрик объясняет существованием различных каналов передачи информации.

С точки зрения Б.М. Гаспарова, дискурс также состоит из целого ряда обстоятельств, для которых он был создан: 1) коммуникативное намерение автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) жанровые и стилистические черты общения и др. [Гаспаров, 1996]. Как мы видим,

параметр «жанр» выделяется многими лингвистами, однако общей классификации так и не было выделено.

В данной работе мы более подробно рассмотрим понятие «жанр» в параграфе 1.3.2. Интервью в жанровом пространстве политического дискурса. Однако уже сейчас считаем нужным разграничить такие понятия, как «жанр» и «функциональный стиль», выделяемые А.А. Кибриком. Так, функциональный стиль определяется сферой человеческой деятельности (бытовой, научный, официальный и др.), характеризуется лексическими и грамматическими особенностями. В отличие от жанра функциональный стиль не имеет четких границ, что означает один стиль может переходить в другой (частое явление – смешение криминального и бытового функционального стиля) [Кибрик, 2003].

Последний, но не менее важный параметр, выделенный А.А. Кибриком, который мы рассмотрим в рамках данной работы – формальность дискурса. Формальность напрямую зависит от характера социальных отношений между говорящими. Отметим, что формальность и функциональный стиль не определяют друг друга. Например, бытовой стиль может быть как неформальным, так и формальным в случае, если общение происходит с малознакомым человеком.

В практическом исследовании, представленном во второй главе данной работы, мы также будем опираться на классификацию дискурса по В.И. Карасику, так как считаем, что дискурс, будучи явлением, порожденным социумом, следует рассматривать, опираясь на социолингвистические исследования. В своей работе В.И. Карасик делит дискурс на личностно-ориентированный (бытовой и бытийный) и статусно-ориентированный (институциональный). В первом участвуют коммуниканты, знающие друг друга, во втором участвуют представители какой-либо социальной группы. В контексте бытового дискурса главным компонентом является осуществление коммуникации с помощью особого сокращенного кода общения, когда коммуникативная ситуация очевидна. Бытийный дискурс ориентирован на

художественное и философское постижение мира. Что касается статусно-ориентированного дискурса, он представляет институциональное общение. Другими словами, данный тип дискурса представляет собой общение между представителями разных социальных организаций, целью которых является реализация своих статусно-ролевых возможностей [Карасик, 2002].

Таким образом, мы можем видеть, что вопрос о понятии дискурса полемичен и актуален, существует большое количество подходов к его изучению. Свое активное развитие теория дискурса получила в период становления антропоцентрической парадигмы. Мы склонны согласиться, что на современном этапе развития дискурс-анализа термин «дискурс» близок к таким понятиям, как «речь, погруженная в жизнь» (по Н.Д. Арутюновой), «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя различные экстралингвистические факторы» (по Т. ван Дейку).

В контексте данной работы мы будем опираться на определение, предложенное В.И. Карасиком. Дискурс – это «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Там же: 194].

1.2. Политический дискурс как предмет лингвистического изучения

1.2.1 Общая характеристика политического дискурса: содержание и границы

Первые предпосылки к зарождению политической лингвистики появились после Второй Мировой войны. Как отдельная дисциплина политическая лингвистика получила свое распространение в конце 80-х годов XX века.

На современном этапе развития политической лингвистики как самостоятельной науки политический дискурс относится к особой разновидности дискурса, основной целью которого считается завоевание и

удержание политической власти. Согласно В.З. Демьянкову, предназначение политического дискурса заключается в том, чтобы внушить адресатам определенные действия, которые будут выгодны власти и расценены обществом как правильные [Демьянков, 2002]. Мы видим, что основным критерием политического дискурса в лингвистическом сообществе принято считать борьбу за власть, вокруг которого выстраивается дальнейшая коммуникация. Однако помимо основной цели политического дискурса некоторые ученые выделяют дополнительные. Например, О.Л. Михалева к таковым относит: стимулирование, побуждение, информирование и убеждение [Михалева, 2009]. Так, вышеупомянутые цели политического дискурса реализуются посредством коммуникации, которая, в свою очередь, состоит из целого ряда структурных элементов:

- 1) коммуникатор;
- 2) сообщение;
- 3) канал передачи информации;
- 4) реципиент.

Важно отметить, что в политическом дискурсе в роли коммуникатора выступает субъект власти. С.В. Дьюкина в коммуникативном пространстве политического дискурса выделяет две группы коммуникаторов. Первая группа, имея собственные цели, внушает обществу определенные идеи. К данной группе могут относиться: глава государства, политический лидер, политическая партия, политическая элита, а также террористические и другие нелегальные организации. Вторая группа доводит до общества идеи, сформированные первой группой. К ней могут относиться: информационные структуры государства, информационные отделы, СМИ, спонсоры, рекламодатели и др. Чтобы идеи были переданы обществу, должно быть сформировано сообщение, текст которого формируется под интересы целевой аудитории. Здесь также учитываются эмоциональность, внушаемость, неосознанность реципиента (реципиент – один из структурных элементов коммуникативного пространства) [Дьюкина, 2004].

А.П. Чудинов, обобщая материал отечественных исследований, выделяет целый ряд характеристик, присущих политическому общению.

К таковым относятся:

- 1) ритуальность и информативность;
- 2) институциональность и личностный характер;
- 3) эзотеричность и общедоступность;
- 4) редукционизм и многоаспектность информации;
- 5) авторство и анонимность политического текста;
- 6) интертекстуальность и автономность политического текста;
- 7) агрессивность и толерантность [Чудинов, 2012].

Также, давая характеристику понятиям политическая коммуникация и политический дискурс, важно сказать об отличительных чертах языка политики. В XXI веке язык политики стал доступным для большей части населения. Деспециализация языка является причиной, по которой некоторые лингвисты не признают существование языка политики. Так, по мнению П.Б. Паршина под политическим языком следует понимать не только сам язык. Также необходимо учитывать то, кому адресовано высказывание, и что является предметом разговора в целом [Паршин, 2001].

В данной работе мы признаем существование языка политики, так как считаем, что основным фактором, определяющим его существование, являются специальные термины, закрепленные в словарях. Что касается деспециализации, то на сегодняшний день данное явление распространено и в других сферах коммуникации благодаря расширению границ и возможностей средств массовой коммуникации. Так, в работе «Политический дискурс как предмет политической филологии»

В.З. Демьянков выделяет следующие отличительные характеристики политического языка:

- 1) терминологичность;
- 2) специфичность структур;

3) специфичность языка, звукового, а также письменного его оформления [Демьянков, 2002].

В.З. Демьянков описывает терминологический аппарат политической коммуникации, однако И.А. Стернин, также признавая существование языка политики, пишет, что современный язык политического дискурса стал более образным и эмоциональным. В подтверждение своей позиции И.А. Стернин приводит в пример политические тексты и отмечает, что в них возросло количество использованного юмора, иронии и сарказма [Стернин, 2004]. Мы также не отрицаем данное утверждение и отмечаем, что политический дискурс может содержать перечисленные выше компоненты с целью создания эффекта «непринужденности» и «близости» с публикой.

Так, мы считаем, что эмоциональность современного политического дискурса обусловлена необходимостью политических деятелей презентовать себя в СМИ. Также отметим, что в настоящее время широкое распространение получил устный политический дискурс, который стал допускать целый ряд отклонений, включая импровизации. Более того, данный тип дискурса получил агрессивную окраску и стал требовать незамедлительную политическую реакцию [Стернин, 2004].

Помимо эмоциональности П. Чилтон выделяет такую особенность политического дискурса, как «presupposed knowledge» (так называемое «предполагаемое знание»). Иными словами, информация, содержащаяся в политическом дискурсе, заранее известна и является справедливой относительно большинства потенциальных адресатов. Как правило, для выражения «presupposed knowledge» затрагиваются вопросы религии и идеологии, используются антонимы и местоимения «мы» и «они» с целью создания контраста «свой-чужой», а также преобладают пассивные конструкции [Chilton, 2004].

Мы возьмем за основу для нашего дальнейшего исследования определение Е.И. Шейгал, которая пишет, что «язык политики – это

структурированная совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса» [Шейгал, 2000: 32]. Более того, Е.И. Шейгал в монографии «Семиотика политического языка» разграничивает язык политики (language of politics) и политический язык (political language) как самостоятельные понятия, которые наделены разной семантикой.

Е.И. Шейгал под языком политики понимает «терминологию и риторику самой политической деятельности, где политики выступают в своей профессиональной роли». Политический язык, напротив, нельзя считать «привилегированным» языком. Е.И. Шейгал утверждает, что «политическим языком может пользоваться каждый, в том числе в манипулятивных целях» [Там же: 31].

Говоря о специфике политического дискурса, важно отметить, что он тесно соприкасается с разными видами дискурсов. Е.И. Шейгал в монографии «Семиотика политического дискурса» подробно разбирает, в каких именно аспектах пересекаются данные виды дискурсов. Мы упомянем лишь некоторые из них, наиболее актуальные для нашего исследования, а именно, юридический и дискурс масс-медиа. Юридический дискурс находит свое пересечение с политическим в сфере государственного права. Данная связь находит свое отражение в конституции, законах, правительственных постановлениях и др., которые являют собой инструменты осуществления власти [Шейгал, 2000]. Мы также будем относить их к инструментам, позволяющим, как уже упоминалось выше, бороться за власть и осуществлять ее различными способами.

Что касается дискурса масс-медиа, в XXI веке с развитием коммуникаций журналисты стали так называемыми «агентами влияния» (по Е.И. Шейгал), которые способствуют формированию мнения народа о представителях политической власти и их деятельности. Так, сегодня СМИ можно считать единственным посредником между политиками и народом. В результате симбиоза данных дискурсов, К.В. Никитина выделяет

политический дискурс СМИ и трактует его как «сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [Никитина, 2006: 3].

Таким образом, мы признаем, что политический дискурс – понятие многоаспектное и пересекающееся со многими видами дискурсов. Тесную связь мы можем наблюдать, в частности, с дискурсом масс-медиа, так как именно он «обслуживает» политические интересы как самих представителей власти, так и общественные массы. В представленной работе мы будем придерживаться точки зрения Е.И. Шейгал, которая дает трактовку политическому дискурсу в двух направлениях. С одной стороны, политический дискурс мы будем понимать как «текст в конкретной ситуации политического общения» [Шейгал, 2000: 9]. С другой стороны, «политический дискурс включает в себя вербальные и невербальные знаки, которые ориентированы на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в политической сфере» [Там же: 9].

1.2.2. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса

В рамках данной работы мы, главным образом, опираемся на определение дискурса по В.И. Карасику, который выделяет два базовых типа дискурса: бытовой и статусно-ориентированный (также институциональный), упомянутых нами в параграфе 1.1.2 Дискурс в отечественных лингвистических исследованиях. Фокусом нашего дальнейшего практического исследования является один из видов

институционального дискурса, а именно политический. Прежде чем дать характеристику политическому дискурсу как институциональному типу дискурса, обратимся к определению «институциональный дискурс».

Е.И.Шейгал в монографии «Семиотика политического дискурса» дает следующее определение: «институциональный дискурс – это дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [Шейгал, 2000: 58]. Таким образом, исходя из представленной трактовки, под общественными или, другими словами, социальными институтами могут пониматься, например, такие организации, как государство (парламент, партия), учебные образования (школы, университеты) и др. Также отметим, что социальные институты имеют целый ряд устойчивых черт. Р. Водак выводит следующую характеристику, присущую всем социальным институтам:

- 1) анонимность;
- 2) определенные языковые формы;
- 3) военный характер;
- 4) противоречия и конфликты не придаются огласке;
- 5) институциональное общение является статусно-ориентированным (в отличие от межличностного) [Водак, 1997].

Так, социальный институт, будучи стабильной формой организации жизни общества, устанавливает нормы поведения, формирует и структурирует социальные отношения, в результате чего происходит моделирование определенных видов общественных отношений, которые становятся обязательными.

В.И. Карасик, говоря о статусной ориентированности институционального общения, выделяет следующие параметры институционального дискурса: 1) участники; 2) цель общения; 3) ценности; 4) стратегии; 5) прототипное место; 6) клишированная лексика; 7) разновидность общения (в том числе жанры); 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы [Карасик, 2002].

Так, мы можем выделить некоторые характерные черты политического дискурса:

- 1) участники коммуникации: агент – клиент (политический лидер – избиратель);
- 2) главной целью политического дискурса является установление и поддержание политической власти;
- 3) ценности политического дискурса направлены на «завоевание и удержание власти»;
- 4) стратегии нацелены на «завоевание и удержание» власти;
- 5) прототипное место – например, парламент;
- 6) клишированная лексика, присущая языку политики;
- 7) выделяют устный и политический дискурс.

Кроме выделенных параметров, существуют и другие значимые для лингвистических исследований классификации. Так, Е.И. Шейгал выделяет четыре параметра институционального общения:

- 1) речевые события;
- 2) представление о типичных моделях речевого поведения;
- 3) определенная тематика общения;
- 4) специфический набор интенций и речевых стратегий [Шейгал, 2000].

Несмотря на то, что институциональный дискурс имеет сформировавшийся набор характеристик, политический дискурс как разновидность институционального дискурса имеет ряд существенных различий от классического представления институционального дискурса. Так, в политической коммуникации «клиент», как правило, является массовым. Кроме этого, политическому общению присущи оценочность, эмоциональность, а также акцентированность [Шейгал, 2000]. Что касается оценочности, Е.Н. Ширяев говорит, что степень эмотивности политической коммуникации зависит от того, к какому типу жанра принадлежит тот или иной политический дискурс [Ширяев, 1994]. Так, например, предвыборные дебаты будут иметь более ярко выраженный эмоциональный оттенок, чем

интервью политика на международной конференции.

Отметим, что институциональный дискурс выполняет целый ряд функций. Л.С. Бейлинсон в своей работе выделяет четыре основные функции институционального дискурса.

1) Перформативная функция позволяет определить сущность того или иного института (для политического дискурса – это борьба за власть или установление закона).

2) Нормативная функция устанавливает и сохраняет нормы и правила между коммуникантами.

3) Презентационная функция создает имидж института и его агентов.

4) Парольная функция, последняя, но немаловажная, которую выделяет Л.С. Бейлинсон, определяет границы между агентами и клиентами [Бейлинсон, 2009].

Отметим, что презентационная функция, выделенная Л.С. Бейлинсоном, реализуется благодаря политическому лидеру, который представляет себя и свою партию, создает некий имидж, позволяющий осуществлять власть. Обратим внимание, что в рамках представленной работы данная функция является центральной.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что политический дискурс как вид институционального дискурса обладает статусно-ролевыми характеристиками (агент (политик) – клиент (народ)), включает клишированную лексику (в том числе эмоционально окрашенную), а также обладает специфичным набором интенций говорящего. В работе мы будем учитывать то, что политический институт имеет свою систему ценностей, ориентированную, в первую очередь, на получение и удержание власти.

1.3. Жанровые характеристики политического дискурса

1.3.1. Проблемы выделения жанров в политическом дискурсе

М.М. Бахтин утверждает, что разнообразие речевых жанров обусловлено разнообразной человеческой деятельностью, которая претерпевает изменения в ходе развития общества и усложняется по мере его развития. Ученый подразделяет их соответственно на два типа: первичные речевые жанры (простые) и вторичные (сложные). Вторичные речевые жанры возникают в сложно организованном культурном общении (художественное, научное, общественно-политическое). Данная «сложность» заключается в том, что в процессе своего формирования вторичные жанры заимствуют некоторые характеристики первичных жанров, которые, в свою очередь, складываются в процессе речевого общения [Бахтин, 1986].

Вслед за М.М. Бахтиным, Е.И. Шейгал применяет данную классификацию относительно политического дискурса. Так, первичный дискурс ориентирован на то, чтобы образовывать жанры институциональной коммуникации (первичный дискурс – основа политической деятельности). К первичному дискурсу относятся, например, заявления, дебаты, переговоры, партийные программы, лозунги и др. К вторичному дискурсу Е.И. Шейгал относит жанры бытового общения [Шейгал, 2000].

Т.В. Шмелева выделяет три подхода к определению речевых жанров:

- 1) лексический;
- 2) стилистический;
- 3) подход, основанный на анализе моделей жанра.

Также Т.В. Шмелева, опираясь на коммуникативную цель, выделяет информативные, этикетные, императивные и оценочные жанры [Шмелева, 1997].

Э.В. Будаев также, как и Т.В. Шмелева, предлагает различать жанры по цели высказывания: 1) информативные; 2) оценочные и 3) императивные. Согласно Э.В. Будаеву, один и тот же текст может содержать информацию,

оценку и императив [Будаев, 2006].

Кроме такого параметра, как коммуникативная цель, Т.В. Шмелева говорит о следующих характеристиках, которые определяют жанр речевой деятельности:

- 1) образ автора;
- 2) образ адресата;
- 3) образ прошлого;
- 4) образ будущего;
- 5) тип событийного содержания;
- 6) речевой жанр и его воплощение в языке [Шмелева, 1997].

Н.Д. Арутюнова выстраивает типологию жанров в соответствии с иллокутивным критерием и описывает пять видов жанров:

- 1) информативный диалог;
- 2) прескриптивный диалог;
- 3) обмен с целью принятия решения или выяснения истины;
- 4) диалог (цель – установление межличностных отношений);
- 5) праздноречевые жанры (эмоциональный и интеллектуальный диалог) [Арутюнова, 1992].

О.Н. Григорьева выстраивает классификацию жанров на основе разграничения стилей. Политический дискурс, согласно ее классификации, относится к публицистическому стилю. Публицистический жанр, в свою очередь, представлен в виде:

- 1) газетного жанра;
- 2) телевизионного жанра;
- 3) ораторского жанра;
- 4) коммуникативного жанра;
- 5) рекламного жанра [Григорьева, 2000].

В данной работе мы разделяем точку зрения Е.И. Шейгали берем за основу такие параметры, как:

- 1) институциональность / официальность;

- 2) субъектно-адресатные отношения;
 - 3) вариативность политических социолектов;
 - 4) событийная локализация;
 - 5) степень центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса;
- б) характер ведущей интенции.

Отметим, что интенции автора, по Е.И. Шейгал (без учета устной или письменной коммуникации), бывают:

- 1) ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение);
- 2) ориентационные жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране);
- 3) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты) [Шейгал, 2000].

Таким образом, на основе вышесказанного, мы можем утверждать, что в сфере политического дискурса существуют разные речевые жанры, однако на современном этапе развития лингвистики как науки не существует единого мнения об их классификации. Жанровое пространство политического дискурса охватывает различные виды политической коммуникации. В рамках данного исследования мы относим к основным, но не единственным жанровым параметрам политического дискурса:

- 1) коммуникативную цель;
- 2) форму: первичную как основу политической деятельности, а также вторичную [Шейгал, 2000].

Рассматривая речевой жанр как составляющую дискурса, мы, вслед за К.Ф. Седовым, связываем речевые жанры со статусно-ролевой природой коммуникации. Статусно-ролевое общение базируется на ожидании того, что языковая личность в процессе коммуникации будет руководствоваться речевыми нормами, установленными в обществе [Седов, 2007].

1.3.2. Интервью в жанровом пространстве политического дискурса

Наиболее частотной событийной жанровой формой в устном политическом дискурсе является жанр интервью. А.К. Михальская пишет, что «политическое интервью – это высококонвенциональный (социально «условный»), публичный речевой жанр с жёстким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей “востребованности”» [Михальская 2000: 68]. Поддерживая точку зрения А.К. Михальской, О.Н. Паршина, однако, опровергает тот факт, что интервью – это строго агональный жанр, которому присущи нападение (со стороны интервьюера) и защита (со стороны политического деятеля). О.Н. Паршина выдвигает точку зрения, которая заключается в том, что степень агональности политического интервью зависит как от установки ведущего, так и от типа его языковой личности [Паршина, 2005].

Мы считаем, что интервью является наиболее часто используемым жанром политической коммуникации в период избирательной кампании, так как основной целью данного жанра является декларативно-персуазивный, диалогический, информационно-интерпретационный и агональный характер (по О.Н. Паршиной). Декларационный характер помогает политику убедить электорат в необходимости управления государством, согласно выбранной им модели. В то время как информационно-интерпретационный характер раскрывает авторское понимание смыслов [Паршина, 2005].

А.А. Лебедева описывает жанр интервью в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и определяет его как жанр публицистики с ярко выраженным межличностным характером [Лебедева, 2015].

Отметим, что Н.И. Лавринова выделяет некоторые отличительные черты, характерные для интервью: 1) персуазивность; 2) полисубъектность;

3) особая диалогичность; 4) особая адресованность; 5) двусубъектный характер; 6) вектор адресованности; 7) информативность; 8) оценочность; 9) спонтанность; 10) авторство [Лавринова, 2009]. Вместе с тем, Е.А. Беляева описывает элементы, из которых состоит жанр интервью, а именно: 1) сцена; 2) действия, включающая в себя обстановку (время и действие); 2) условия; 3) контексты; 4) негативные или позитивные последствия [Беляева, 2007].

Т.И. Попова отмечает явные изменения, произошедшие за последние десятилетия в сфере политической коммуникации, в частности, в жанре интервью. Говоря о субжанрах, современное телеинтервью уделяет особое внимание личности собеседника, соответственно предмету разговора уделяется значительно меньше внимания [Попова, 2007]. М.Ю. Звягина также говорит об изменениях в речевом жанре интервью по типу «имитации», в том случае, когда происходит полное отрицание доминантных жанрообразующих моделей [Звягина, 2002].

Так, жанр интервью в современном политическом дискурсе имеет различные формы. Интервью может быть «коротким и пространным, сенсационным и «дежурным», ожидаемым и эксклюзивным, проблемным и портретным» [Паршина, 2005: 34].

В данной работе мы опираемся на определение А.К. Михальской и полагаем, что «интервью – это публичный речевой жанр с жёстким распределением речевых ролей непосредственных участников» [Михальская, 2000: 68].

1.4. Коммуникативные стратегии и тактики как средство речевого воздействия в политическом дискурсе

1.4.1. Сущность коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики

Прежде чем дать определение «коммуникативной стратегии» важно отметить, что понятие «стратегия» появилось задолго до появления

лингвистики как самостоятельного научного направления. Данный термин был заимствован лингвистами из военной сферы, где под «стратегией» понимается «ведение крупных операций и войны в целом» [Иссерс, 2008: 55]. В переносном значении «стратегия» трактуется как «искусство руководства общественной, политической борьбы» » [Там же: 55].

В рамках коммуникации, в частности, политической, выбор той или иной стратегии позволяет, главным образом, реализовать воздействующую функцию языка. Так, «борьба за власть» в сфере политической коммуникации определяет выбор тех или иных коммуникативных действий политическими деятелями. Основной целью политика является воздействие на адресата, «на его интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферу» [Паршина, 2005: 18].

С точки зрения прагмалингвистики, М.Л. Макаров определяет стратегию как «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий или языковых средств» [Макаров, 2003: 122]. С позиции психоллингвистики, под стратегией понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [Борисова, 1999: URL]. Иными словами, цель говорящего определяет выбранную им стратегию. В широком смысле под «коммуникативной стратегией» понимается «сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего» [Там же: 85].

Мы будем придерживаться точки зрения О.С. Иссерс, которая рассматривает коммуникативную стратегию с позиции когнитивной лингвистики и понимает ее как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс, 2008: 54]. Данные цели, в свою очередь, могут быть реализованы в ходе тщательного планирования процесса речевой коммуникации. При этом говорящий должен ориентироваться на условия, в которых происходит коммуникация, а также на личность адресата. В основе определения коммуникативной стратегии О.С. Иссерс лежит такая характеристика, как зависимость выбора стратегии

от поставленной цели говорящего [Там же].

О.Н. Паршина также признает зависимость выбора стратегии от поставленной цели адресанта и выделяет несколько интенций, присущих политическому дискурсу: 1) побудить адресата проголосовать на выборах; 2) завоевать авторитет; 3) убедить адресата в том, что точка зрения говорящего является верной; 4) вызвать определенные эмоции; 5) информировать адресата [Паршина, 2005]. Основываясь на данной классификации, можно утверждать, что поставленные цели определяют направленность стратегии. Исходя из данного утверждения, логично объясняется существование разных видов стратегий в различных типах дискурса. Отметим, что на данном этапе развития лингвистики не существует единой классификации коммуникативных стратегий.

Так, Е.И. Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие стратегии:

- 1) стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации;
- 2) стратегия мистификации;
- 3) стратегия анонимности;
- 4) стратегия мобилизации и демобилизации общественного мнения;
- 5) стратегия аннигиляции – вербальное «уничтожение» политика» и др. [Шейгал, 2000].

Кроме вышеупомянутых стратегий, существует целый ряд других видов. Ю.М. Иванована на основе анализа политического дискурса США выделяет:

- 1) варьирующую;
- 2) аддитивную;
- 3) интродуктивную стратегии [Иванова, 2003].

О.С. Иссерс говорит о стратегии дискредитации и самопрезентации в политическом дискурсе [Иссерс, 2008]. Отметим, что стратегия самопрезентации является наиболее часто используемой в политическом

общении, так как позволяет говорящему продемонстрировать свои психические качества и сформировать себя как личность в глазах общественности.

Описывая сущность коммуникативной стратегии, важно отметить существование коммуникативных тактик. Данные понятия имеют четкое разграничение в лингвистике, однако не могут существовать отдельно друг от друга. В словаре С.И. Ожегова тактика представляет собой совокупность средств и приемов, позволяющих достичь намеченную цель [Ожегов, 1992]. Тактика позволяет говорящему реализовать намеченную стратегию, соответственно, без нее невозможно ее воплощение.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что рассмотрение стратегии с позиции речевого воздействия следует рассматривать совместно с анализом тактик. Вслед за О.Н. Паршиной, мы будем интерпретировать стратегию как комплексный феномен, а тактику как аспектный феномен [Паршина, 2005]. В следующем параграфе мы более подробно остановимся на стратегии самопрезентации и реализующих ее тактиках, так как именно данная стратегия является объектом нашего исследования.

1.4.2. Стратегия самопрезентации: понятие и способы реализации

Понятие «самопрезентация» является широким и применяется в разных контекстах. Обращаясь к семантике данного понятия с точки зрения психологии, под самопрезентацией следует понимать любое поведение, которое формируется с целью передачи определенного образа другим людям («Any behavior that is designed to convey an image about ourselves to other people»). Более того, когда человек замечает, что за ним следят, его поведение также меняется [Psychology Dictionary, 2019: URL].

Основоположник теории самопрезентации американский социолог И. Гофман описал феномен самопрезентации как некий постоянный процесс, полагая, что социальное поведение индивидов изначально предполагает

стремление и желание одного из коммуникантов повлиять на другого. Самопрезентация в понимании Э. Гофмана является самовыражением, включающим в себя такие составляющие, как мнение, опыт или характер. Самопрезентация индивида может происходить как осознанно, так и бессознательно. Также социолог обращает внимание на то, что даже если самопрезентация является осознанным выбором говорящего, обращение к ней, зачастую, обусловлено существующими традициями в обществе. Иными словами, сложившаяся коммуникативная ситуация, как правило, требует конкретной модели поведения от индивида [Goffman, 1956]. Вслед за И. Гофманом, выделяют неосознанную самопрезентацию такие ученые, как Б. Шленкер, М. Лири и Р. Ковальский, Г. Мид, А. Стейнхилбер и др.

Б. Шленкер определяет самопрезентацию как деятельность, зависящую от трех факторов: 1) личностные характеристики говорящего (personality); 2) ситуация (situation); 3) публика/зритель (audience). Таким образом, самопрезентация является не только выражением «себя», но и представляет собой некий ответ адресанта на ситуацию, а также ожидания публики [Schlenker, 1975].

В теории самопрезентации выделяют два подхода, служащие неким объяснением тому, каким индивид хочет предстать в глазах публики. Первый подход базируется на принципе «самоуважения/самолюбования» («self-esteem»), согласно которому, человек хочет быть положительной личностью и предпочитает, чтобы слушающие разделяли данную точку зрения. Второй подход основан на так называемом принципе «соответствия» («self-consistency»): человек хочет, чтобы другие видели его определенным образом, как некое подтверждение его собственного видения себя [Там же].

Стратегия самопрезентации особо выражено используется политиками в преддверии выборов, так как помогает получить не только эмпатию со стороны населения, но и позволяет им манипулировать.

«Борьба за власть» определяет каждое коммуникативное действие,

предпринятое коммуникантом в процессе политической коммуникации. Соответственно, любой политический лидер ставит перед собой, в первую очередь, следующую задачу: понравиться народу и заполучить его одобрение. Для ее реализации важно создать определённый имидж, который будет отличать политика от всех других кандидатов.

Традиционно, обращаясь к понятию «имидж», учитывается целый ряд компонентов: внешность, манера поведения, сфера деятельности, особенности речи. В рамках представленной работы актуально уделить внимание речевым аспектам, формирующим имидж политика. Мы полагаем, что именно вербальные особенности говорящего являются базовым компонентом «самопрезентации».

О.С. Иссерс на основе понятий «ethos» и «persona», предложенных античными риториками, выделяет два возможных способа создания имиджа. Согласно данной концепции, политик, как правило, играет определенную роль, выбирая соответствующую ей речевую стратегию и тактику. Выбор определяется за счет прогнозирования аудитории, ее ожиданий и предполагаемых реакций. Однако несмотря на искусственно созданный образ, политик не может полностью игнорировать специфические особенности личности. В большей или меньшей степени они проявятся в ходе коммуникации [Иссерс, 2008].

Так, традиционно в политическом дискурсе выделяют стратегию «самопрезентации», которая позволяет политику создать положительный имидж. Впоследствии, создав положительный образ, политик в силах установить доверительные отношения с потенциальным избирателем, доказать свою авторитетность и способность добиться своей главной задачи – получение власти [Там же].

Для нашего исследования важно рассмотреть существующие тактики, которые способствуют реализации стратегии самопрезентации. Согласно

И. Джонсу и Т. Питтману, тот, кто старается понравиться, должен скрывать реальную цель, иначе он не достигнет желаемого эффекта. Исследователи выделяют пять различных тактик самопрезентации:

- 1) старание понравиться;
- 2) самопродвижение;
- 3) запугивание;
- 4) пояснение примером;
- 5) мольба [Джонс, 1982].

В классификации Р. Чалдини выделяется два способа управления впечатлением, которые позволяют политику презентовать себя. Первая техника заключается в использовании чужого успеха в целях самопрезентации («наслаждение отраженной славой»), вторая техника реализуется через принижение достоинства какого-либо человека («причинение вреда») [Cialdini, 1980].

Отметим, что выбор тактик обусловлен определенными интенциями говорящего. В классификации О.Н. Паршиной тактики, реализующие стратегию самопрезентации, подразделяются на три большие группы в соответствии с намерениями коммуникантов:

1) тактики, используемые большинством: тактика отождествления, тактика солидаризации, тактика создания «своего круга», тактика дистанцирования;

2) тактики, употребляемые некоторыми политиками: тактика нейтрализации негативного представления о себе, тактика гипертрофирования «я – темы», тактика акцентирования положительной информации;

3) тактики, употребляемые конкретными политиками: тактика эпатирования, тактика насмешки и др. [Паршина, 2005]

Таким образом, для успешной реализации стратегии самопрезентации политик должен выбрать наиболее подходящее речевое воплощение посредством определенных тактик. В ходе практического исследования мы

будем опираться на определение О.Н. Быковой, которая трактует «самопрезентацию» как «эмоциональную самоподачу оратора, косвенную демонстрацию психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [Быкова, 2000: 50]. Также мы учитываем не только индивидуальные характеристики говорящего (его психологические особенности, характер, опыт и др.), но и рассматриваем такие составляющие, как ситуация общения и наличие определенной публики.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе мы изучили такие понятия, как «дискурс», «политический дискурс», «жанр интервью», «самопрезентация», «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика».

На современном этапе развития дискурс-анализа вопрос о понятии «дискурса» остается актуальным. В зарубежной научной теории «дискурс» является открытой системой, включающей как вербальные, так и невербальные составляющие. Большинство ученых (Дж. Браун, Т. ван Дейк, З. Харрис и др.) приравнивают дискурс к диалогу, главным фокусом которого является «живой язык».

В отечественной лингвистике дискурс определяется как связный текст, при анализе которого учитывается целый ряд факторов: экстралингвистические, прагматические, социокультурные, психологические и др. Также мы рассмотрели четыре актуальных параметра дискурса, предложенных А.А. Кибриком: функциональный стиль, жанр, модус и формальность.

Вслед за В. И. Карасиком, в определении политического дискурса мы учли его институциональный характер, а также выделили следующие параметры: 1) участники; 2) цель общения; 3) ценности; 4) стратегии; 5) прототипное место; 6) клишированная лексика; 7) разновидность общения (в том числе жанры); 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы.

В представленной работе мы выделили жанр интервью как наиболее частотную событийную жанровую форму в устном политическом дискурсе, а также обратили внимание на его тесную связь с другими видами дискурсов, в частности, дискурсом масс-медиа и юридическим дискурсом. Следует отметить, что на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о тенденции «сращивания» политического дискурса и дискурса масс-медиа. Более того, некоторые исследователи выделяют политический дискурс СМИ как отдельный тип дискурса.

В первой главе было рассмотрено политическое интервью как высококонвенциональный, публичный жанр с жестким распределением ролей, а также было рассмотрено понятие «самопрезентации», под которым мы понимаем, «самовыражение» индивида, включающее в себя его опыт, мнение и характер. Кроме выражения собственного «Я» «самопрезентация» представляет собой некий ответ адресанта на ситуацию, а также ожидания публики.

В рамках первой главы нами была рассмотрена стратегия как «комплексный феномен», а тактика как «аспект данного феномена». Кроме этого, были описаны основные способы реализации стратегии самопрезентации посредством различных тактик (тактика отождествления, тактика дистанцирования, тактика акцентирования положительной информации и многие др.).

В следующей главе мы разберем, как стратегия самопрезентации и составляющие ее тактики реализуются языковыми средствами в интервью премьер-министра Великобритании Т. Мэй и канцлера Германии А. Меркель. Также представим сравнительный анализ языковых средств реализации стратегии самопрезентации, выявив основные отличительные черты англоязычного и немецкоязычного политического дискурса.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Языковые средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью Т. Мэй

2.1.1. Лексические средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью Т. Мэй

Иллюстративным материалом нашего практического исследования послужили 5 текстов интервью Т. Мэй в период предвыборной кампании 2017 года (16 562 – общее число знаков). В ходе исследования было выявлено четыре тактики, позволяющие Т. Мэй реализовать стратегию самопрезентации:

- тактика отождествления;
- тактика открытости к избирателю;
- тактика акцентирования положительной информации;
- тактика дистанцирования от оппонента.

Первая тактика, которую мы рассмотрели в рамках стратегии самопрезентации – тактика отождествления. Целью данной тактики является демонстрация символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе.

Для реализации тактики отождествления в речи Т. Мэй нами было выявлено использование такого лексического средства, как существительное с обобщенным значением, в частности, существительные «British people»/ «people». В дискурсе Т. Мэй обобщенные существительные позволяют создать эффект «единения»:

- *«I am confident we can build a better future for this country because I believe in Britain and I believe in **the British people** // Я уверена, что мы сможем построить лучшее будущее для этой страны, потому что я верю в*

Британию, и я верю в британский народ» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).

- «**The British people** were given the choice and **the British people** decided that they wanted the United Kingdom to leave the European Union // **Британскому народу** был дан выбор, и **британский народ** принял решение выйти из Европейского Союза» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).

- «I trust **the British people**. **The British people** gave the government a job to do to in terms of coming out of the EU and I 'm going to be asking **the British people** to put their trust in me in ensuring we deliver a success of that // Я доверяю **британскому народу**. **Британский народ** потребовал от правительства выйти из Европейского Союза, и я собираюсь просить **британский народ** доверить мне это дело, чтобы привести нас к успеху»(Interview with Robert Peston 18.04.2017).

- «That when **people** look at this election and when they hear what politicians are saying they think about the national interest. That should be what drives **people** when they go to vote // Когда **люди** наблюдают за выборами, когда они слышат, то о чем говорят политики, они думают о национальном интересе. Национальный интерес должен быть первостепенной причиной, когда **люди** идут на выборы» (Interview with Andrew Marr 30.04.2017).

Исходя из приведенных примеров, мы видим, что Т. Мэй неоднократно прибегает к существительным с обобщенным значением, что позволяет ей создать «свой круг», а именно британское сообщество. Обращаясь к семантике слова «people» («human beings making up a group or assembly or linked by a common interest»), мы видим, что представленная группа людей объединена общими интересами [Merriam-Webster, 2019: URL]. В данном случае британский народ стремится выйти из Европейского Союза, а также урегулировать нестабильную экономическую ситуацию в стране. Также Т. Мэй с помощью данного приема стремится презентовать себя в качестве политического лидера, способного считаться с гражданами Великобритании, а не слепо следовать своим идеям.

Следующая тактика, которую мы выделяем – это тактика открытости к публике. Цель данной тактики заключается в установлении доверительных отношений с избирателем. С помощью лексических единиц «to be open with»; «to trust»/ «to put trust in someone or something». Т. Мэй выражает свои искренние намерения и готовность к партнерским отношениям:

- «*I thought it was right to **be open with** people about those challenges // Я думала, что **быть открытой** с людьми насчет этих «вызовов» является правильной вещью» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).*

- «*That is what I will be asking the British public to **put their trust in me** to provide for them for the future // Я буду просить Британскую общественность **доверить мне ее будущее**» (Interview with Robert Peston 18.04.2017).*

- «*I **trust** the British people // Я **доверяю** Британскому народу» (Interview with Robert Peston 18.04.2017).*

Для данной тактики также характерны наречия степени и меры, выражающие в какой-то мере совершенное действие. Т. Мэй неоднократно использует наречие «absolutely» («completely or totally») с целью повлиять на чувства избирателя, формируя в его сознании доверительные установки [Merriam-Webster, 2019: URL]. Данное наречие в приведенном примере является интенсификатором прилагательного «honest».

- «*I'm **being absolutely honest** with the British people about the big challenge that we face. And **absolutely honest with** them about the need for us to deal with this now, to start fixing it now // Я **абсолютно честна** с Британским народом насчет той большой проблемы, с которой мы столкнулись. И также я **абсолютно честна** с ними, говоря, что нам необходимо действовать сейчас и начинать решать проблему немедленно» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Еще одной тактикой, реализуемой на лексическом уровне, является тактика акцентирования положительной информации. Для данной тактики характерно широкое использование количественных числительных и

прилагательных с положительной коннотацией.

В речи Т. Мэй мы находим особое место оценочным прилагательным. Например, она неоднократно характеризует Великобританию как глобальную, амбициозную, сильную и уверенную страну, используя прилагательные с положительной коннотацией «strong», «ambitious», «confident», «global».

- «*That **global** Britain, that **ambitious, strong, confident** Britain // Эта глобальная, амбициозная, сильная, уверенная Британия» (Interview with Robert Peston, 18.04.2017).*

- «*To deliver a real success of Brexit, deliver for working people up and down this country and to deliver a future, **an ambitious** future for **a stronger** Britain in the future // Чтобы обеспечить реальный успех Брексит, помочь работающим людям по всей стране и обеспечить населению будущее, многообещающее будущее для более сильной Британии» (Interview with Robert Peston, 18.04.2017).*

Обращаясь к семантике данных лексических единиц, мы видим, что Т. Мэй определяет свою страну как державу, наделенную огромными ресурсами, физическими, количественными, а также интеллектуальными.

Семантика прилагательного «strong»:

- having or marked by great physical power
- having moral or intellectual power
- having great resources (as of wealth or talent)
- of a specified number

Семантика прилагательного «ambitious»:

- having a desire to be successful, powerful, or famous
- having a desire to achieve a particular goal

Семантика прилагательного «confident»:

- full of conviction
- having or showing assurance and self-reliance

Семантика прилагательного «global»:

- of, relating to, or involving the entire world

[Merriam-Webster, 2019: URL].

В свою очередь, Т. Мэй акцентирует внимание избирателя на том, что такой сильной стране, как Великобритания нужен человек с сильными и достойными лидерскими качествами, тем самым «намекая» на свою кандидатуру:

- *«Now is the time when the UK needs **strong and stable leadership** // Пришло время, когда Великобритания нуждается в **сильном и устойчивом руководстве**» (Interview with Robert Peston, 18.04.2017).*

Отметим, что вместе с абстрактным существительным «leadership» («capacity to lead») премьер-министр использует прилагательное «stable» («not likely to change or fail; firmly established» [Merriam-Webster, 2019: URL]), а также прилагательное «strong», усиливающие эмоциональную составляющую высказывания и воздействующие на психологическое состояние адресата (формируется чувство стабильности и надежности). Свое руководство Т. Мэй представляет неотделимо с «процветающим будущим» («prosperous future») Великобритании:

- *«We are talking about what **sort of leadership** people want for this country for the future. It's about who they want to see leading those brexit negotiations but also who has a vision for **a brighter, stronger, more prosperous future** // Мы говорим о том, какой **вид руководства** люди хотят видеть для своей страны в будущем. Это о том, кого они хотят видеть в качестве лидера, ведущего Брексит-переговоры и имеющего видение относительно **более светлого, сильного и процветающего будущего**» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).*

Семантика прилагательного «bright»:

- «promising»

Семантика прилагательного «prosperous»:

- marked by success or economic well-being

[Merriam-Webster, 2019: URL].

Кроме этого, абстрактное существительное «future» неоднократно используется политиком. За данной лексической единицей закреплена следующая семантика:

- marked by success or economic well-being
- enjoying vigorous and healthy growth

[Там же].

Так, Т. Мэй осознает, что на момент парламентских выборов Великобритании находится в сложном экономическом состоянии в виду нестабильных отношений с Европейским Союзом, поэтому политику важно показать, что под ее управлением страну ждет будущее, в котором британский народ имеет материальный достаток, а также усовершенствованную систему здравоохранения.

Кроме этого, премьер-министр неоднократно называет себя «a (strong) hand» («сильная рука»/ «поддержка»), которая поведет Британию в светлое будущее. В словаре Merriam-Webster мы также находим следующее толкование: «a hand is a person skilled in a particular action or pursuit» [Merriam-Webster, 2019: URL]. Обращаясь к семантике данной лексической единицы, мы видим, что Т. Мэй позиционирует себя как профессионала, обладающего необходимыми навыками и опытом, чтобы урегулировать политическую ситуацию, в частности, наладить переговоры по поводу выхода Великобритании из Европейского Союза. В речи Т. Мэй «a strong hand» и «strength» («one regarded as embodying or affording force or firmness») синонимичны [Там же]. Данные лексические единицы представлены в следующих примерах:

- «*And you need a strong hand in those negotiations and you need strength in those negotiations // Вам необходима «сильная рука» в этих переговорах и вам нужна сила в этих переговорах» (Interview with Robert Peston, 18.04.2017).*

- *«And that's why I say that every vote for me and my team on June 8th will strengthen my **hand** in those negotiations // И вот почему я говорю, что каждый голос за меня и мою команду 8 июня укрепит **меня** («**мою сильную руку**») в этих переговорах» (Interview with Andrew Marr 30.04.2017).*

Также в ходе практического исследования нами был выявлен целый ряд глаголов с положительной коннотацией: «to build» («to develop according to a systematic plan, by a definite process, or on a particular base»), «to achieve» («to carry out successfully»), «to ensure» («to make sure, certain or safe, guarantee»), «to guarantee» («to give security to»), «to deliver» («to come through with»), «to fund» («to make provision of resources for discharging the interest or principle of») и многие др., что также позволяет Т. Мэй создать образ политика, деятельность которого, главным образом, направлена на созидание [Merriam-Webster, 2019: URL]. Пример из интервью:

- *«We need to be able to **ensure** we can **fund** social care for the future. // Мы должны быть в состоянии **обеспечить** финансирование социальной помощи на будущее» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Отметим, что в англоязычном дискурсе среди многочисленных глаголов с положительной коннотацией Т. Мэй неоднократно обращается к глаголу «fix»:

- *«I think it's only fair to people to say that it is a problem and we need to **fix** it now. That's what I want to do. I want to **fix** it// Я думаю, очень важно признаться людям, что у нас есть проблема, и мы должны **решить** ее сейчас. Это то, что я хочу сделать. Я хочу **решить** ее» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Однако мы считаем, что семантика данной лексической единицы в дискурсе политика спорна. С одной стороны, глагол «fix» используется в значении «to make firm, stable, or stationary»/ «to put (a bad or unwelcome situation) right», с другой стороны, данный глагол может описывать какое-либо незаконное действие, урегулирование ситуации противозаконными способами:

- to influence the actions, outcome, or effect of by improper or illegal methods [Merriam-Webster, 2019: URL].

- influence the outcome of (something, especially a race, match, or election) by illegal or underhand means [Oxford Dictionary, 2019: URL].

Однако, несмотря на то, что в рамках тактики акцентирования положительной информации Т. Мэй использует эмоционально окрашенную лексику, позволяющую ей презентовать себя, мы выявили недостаток числительных и каких-либо статистических данных, что делает ее речь менее конкретизированной.

Премьер-министр заменяет числительные на абстрактные существительные «money» («something generally accepted as a medium of exchange, a measure of value, or a means of payment such as officially coined or stamped currency, money of account, paper money») и «the funds» («the stock of the British national debt»). Также Т. Мэй использует неопределенное местоимение «some» («one indeterminate quantity, portion, or number as distinguished from the rest») с абстрактным существительным «money», что, по-нашему мнению, позволяет ей «избежать» вопросов, связанных с нестабильной экономической ситуацией в стране:

- «*We've put in **some extra money** already into Accident and Emergency in hospitals around the country // Мы уже вложили **дополнительные деньги** в неотложную помощь для больниц по всей стране» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

- «*What we will do is ensure that we generate by ensuring we have a strong economy and growth in the economy, we generate **funds** // Мы гарантируем то, что мы будем содействовать укреплению экономики и ее росту, **путем финансирования***» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

Кроме этого, в дискурсе Т. Мэй было выявлено использование таких языковых единиц, как «a huge number of»/ «huge sums of», также заменяющих количественные числительные:

- «*Exactly, because meanwhile we have in this country **a huge number of***

*working people, particularly in public sector workers, who have now had seven years of below inflation pay increases. A really tough freeze on their pay // Именно, в то же время у нас **огромное количество работающих людей**, в частности, в государственном секторе, которые в настоящее время имеют семилетний рост заработной платы, находящейся ниже уровня инфляции» (Interview with Andrew Marr 30.04.2017).*

- *«Leaving the European Union will stop us from paying **huge sums of money** into the EU every single year // Выход из Европейского Союза позволит положить конец ежегодным **огромным выплатам** Европейскому Союзу» (Interview with Jeremy Paxman 29.05.2017).*

Отметим, что Т. Мэй апеллирует к цифрам только в тех случаях, когда интервьюер намеренно задает вопрос. Более того, в большинстве случаев дает ответ либо не с первого раза, либо вовсе затрудняется ответить, тем самым заставляя собеседника возвращаться к своему вопросу:

- *Interviewer: So **how much?** // Так сколько?*

*T. May: It's **£10 billion** // 10 миллиардов фунтов.*

Interviewer: And where will that come from? // Откуда будет взята эта сумма?

- *Interviewer: **How many pensioners** will lose their winter fuel allowance? // **Сколько пенсионеров** потеряют свое пособие на отопление в зимний период?*

T. May: We are... We will consult, we will ask people, charities, organizations at what level that should be set // Мы... Мы будем консультироваться, мы будем спрашивать людей, благотворительные фонды, организации на каком уровне это должно происходить...

*Interviewer: So, **you don't know**. Pensioners watching tonight, they won't know... // Получается, **Вы не знаете**. Пенсионеры, которые смотрят нас сегодня, так и не будут знать... (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Еще одна тактика рассматривается в рамках нашего исследования – тактика дистанцирования от оппонента. Целью данной тактики является

обозначение границ между «своим» кругом и «чужим». Реализуя тактику дистанцирования на лексическом уровне, Т. Мэй, прибегает к использованию имен противников (Jeremy Corbyn), партий (Labour Party), стран (France, Germany, Russia, USA):

- «*And I'm very clear that who ever is in government, who ever's Prime Minister, whether it's **me** or **Jeremy Corbyn**, we need to address this issue, we need to fix it, and that's what I'm going to do // И мне совершенно ясно, что кто бы ни был в правительстве, кто бы ни был премьер-министром, будь то я или **Джеремии Корбан**, мы должны решить эту проблему, мы должны решить ее, и это то, что я собираюсь сделать» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

- «*What became clear, increasingly clear in this election campaign is the desire of **other parties** to frustrate the will of the British people // То, что стало ясным, все более и более ясным в этой избирательной кампании, так это желание **других партий** ограничить волю британского народа» (Interview with Jeremy Paxman 29.05.2017).*

В предвыборной гонке 2017 года главным оппонентом Т. Мэй являлся Джереми Корбан, представитель Лейбористской партии. Говоря о работе соперника, Т. Мэй противопоставляет его политику в отношении иммиграции своей:

- «*It's between me and my party who believe that we should work **to control immigration** and **Jeremy Corbyn** and the **Labour Party** who believe that you should have **uncontrolled immigration**) // Это между мной и моей партией. Мы верим, что нам следует работать над **сдерживанием иммиграции**. **Джереми Корбан** и **Лейбористская партия** же верят в **неконтролируемую иммиграцию**» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

- «*It's **me** and **my party**, **me** and **my team**, that are committed to saying we want to control migration, whereas **Labour** want **uncontrolled** migration // Я и моя партия, я и моя команда твердо намерены сказать, что мы хотим контролировать иммиграцию, в то время как **Лейбористы** за*

неконтролируемую иммиграцию» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

В представленном примере Т. Мэй характеризует деятельность Лейбористской партии с помощью прилагательного с негативной коннотацией «uncontrolled»:

- 1) «happening or done without being stopped, slowed, or controlled»
- 2) «not conducted or maintained in accordance with fixed rules, restraints, or procedures»
- 3) «not regulated by law with regard to possession and use»

[Merriam-Webster, 2019: URL].

Так, данная языковая единица позволяет Т. Мэй раскрыть неблагонадежность своего оппонента и подчеркнуть еще раз тот факт, что с миграционными процессами, так остро стоящими в Европейском обществе, сможет справиться только Консервативная партия, непосредственно руководствуясь всеми правилами и законами Великобритании.

Кроме этого, говоря о своих конкурентах, в частности, Лейбористской партии, Т. Мэй использует устойчивое выражение «play politics». Рассмотрим дефиниции, которые предлагают толковые словари:

- 1) to use a situation or the relationships between people for your own advantage [Cambridge Dictionary, 2019: URL].
- 2) to try to hide the truth from someone by deceptive means»

[Merriam Webster Dictionary, 2019: URL].

- 3) not to be serious enough about a difficult situation
- [Collins Dictionary, 2019: URL].

Как мы видим, выражение «play politics» дает негативную характеристику деятельности партии-соперника. С помощью данного лексического средства Т. Мэй удается в некоторой степени сформировать отрицательный образ оппонента, закрепив в сознании избирателя идею того, что «другие партии» ведут нечестную политику, их намерения несерьезны и нацелены на то, чтобы помешать осуществлению воли народа.

Лексическая единица «to frustrate» выполняет схожую функцию с

выражением «play politics». Глагол с отрицательной коннотацией демонстрирует народу неблагонадёжность «других партий», которые не считаются с мнением граждан: «bring to nothing/ to make invalid or of no effect» [Merriam-Webster, 2019: URL].

- «*What became clear, increasingly clear in this election campaign is the desire of other parties to frustrate the will of the British people // То, что стало ясным, все более и более ясным в этой избирательной кампании, так это желание других партий ограничить волю британского народа» (Interview with Jeremy Paxman 29.05.2017).*

- «*Politics is not a game and the problem is at the moment is we have other parties who are playing games with politics // Политика – это не игра, и проблема на данный момент заключается в том, что другие партии «играют в политику» (Interview with Robert Peston, 18.04.2017).*

- «*We could play politics with it, as the Labour Party is doing. Or we could show how we can fix it. And that's what I've done // Мы могли бы «играть в политику», как это делает Лейбористская партия. Или мы могли бы показать, как исправить ситуацию. Последним я и занимаюсь» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Кроме этого, в ходе анализа нами также было выявлено неоднократное обращение Т. Мэй к следующим языковым единицам: «a choice between», «a difference between», «a sharp contrast with», «a complete opposite with». Рассмотрим примеры:

- *T. May: But I think the key issue is that there's a choice here between parties, there's a choice between Jeremy Corbyn, who is playing politics with this, doesn't want to address this issue of an aging society...*

Interviewer: You're not playing politics with this, Prime Minister?

T. May: No, I'm not // Но я думаю, что ключевой идеей является то, что существует выбор между партиями, выбор между Джереми Корбаном, который играет в политику и не хочет решать проблему

старения населения... // Вы не играете в политику, не так ли, премьер-министр? // Нет, я не играю. (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

- «As I say, there's only going to be **a choice between** two people as to who's sitting opposite those 27 European countries, me or Jeremy Corbyn // Как я у же говорила, есть только **выбор между** двумя людьми, один из них сядет за стол переговоров с 27 европейскими странами, и это буду я или Джереми Корбан» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

- «...but it could also be **a choice between** somebody who's made one of those dramatic U-turns in the course of an election campaign in the history // ... но также может быть **выбор между** кем-то, кто сделал один из этих значительных «разворотов» в ходе избирательной кампании за всю историю» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).

Так, с помощью лексической единицы «a choice between» Т. Мэй демонстрирует потенциальному избирателю, что она не только представитель власти, основной обязанностью которого является управление, но и лидер, готовый дать право выбора британскому народу («choice – the right or ability to choose [Merriam-Webster, 2019: URL]).

Тактика дистанцирования также реализуется за счёт таких лексических единиц, как «a crucial difference between», «a sharp contrast with», «a complete opposite with», что позволяет Т. Мэй обличить слабые стороны своего противника, в частности, его неспособность урегулировать экономические проблемы:

- «And that's where **one of the crucial differences between** what I'm proposing and what the Labour Party is proposing comes // И в этом заключается **одно из важных различий между** тем, что предлагаю я и тем, что предлагает Лейбористская партия» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

- So, we've been doing that work and we will continue to work on that. **Sharp contrast with the Labour Party** that wants to significantly increase borrowing and with a leader who says that he doesn't seem to mind about debt and

the deficit // Итак, мы выполняем эту работу и будем продолжать ее делать. Резким контрастом является Лейбористская партия, которая хочет увеличить заимствование средств, а ее лидер, кажется, не желает думать о долгах и дефиците» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

- *«I'm going to fix it. What I've seen is that people have been worried by some of the things that the Labour Party has been claiming, and others indeed, the Liberal Democrats too, about what our policy means. In some cases, **the complete opposite** of what I want to see // Я собираюсь это исправить. Мы видели, что люди обеспокоены тем, как видит нашу политику Лейбористская партия, а также другие партии, в частности, Демократы. В некоторой степени это видение является **абсолютной противоположностью** того, что вижу я» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Отметим, что в приведенных примерах вместе с существительными «difference» («the element or factor that separates or distinguishes contrasting situations»), «contrast» («the differences or degree of difference between things having similar or comparable natures»), «opposite» («something that is opposed to some other often specified thing») стоит ряд прилагательных, которые также наделяют высказывание определенным смыслом [Merriam-Webster, 2019: URL]. Говоря о существующих различиях между партиями относительно ведения экономической политики, Т. Мэй использует прилагательное «sharp» со следующей семантикой: «easy to see or understand», а также прилагательное «clear»: «easy to understand, hear, read or see», что позволяет Т. Мэй представить избирателю «несостоятельность» Лейбористской партии как некую очевидную вещь, которую невозможно не заметить [Merriam-Webster, 2019: URL].

Таким образом, исходя из проанализированных интервью, мы считаем, что Т. Мэй реализует тактику дистанцирования на лексическом уровне в полной мере, используя целый ряд характерных данной тактике языковых средств: названия партий-противников, стран, имена политических лидеров,

оценочная лексика относительно деятельности оппонента, лексические единицы, выражающие выбор/ разницу.

Также Т. Мэй успешно использует обобщенные существительные в рамках тактики отождествления и речевые формы, выражающие открытость к избирателю в рамках тактики открытости к публике. Однако мы полагаем, что тактика акцентирования положительной информации реализована на лексическом уровне в недостаточной мере, ввиду, отсутствия количественных числительных, являющихся неотъемлемой составляющей данной тактики.

2.1.2. Грамматические средства реализации стратегии самопрезентации составляющих ее тактик в интервью Т. Мэй

В ходе нашего практического исследования был выявлен целый ряд грамматических языковых средств, реализующих тактику отождествления, тактику акцентирования положительной информации и тактику дистанцирования от оппонента.

Традиционно, в рамках тактики отождествления одним из распространённых языковых средств на морфологическом уровне является использование личного местоимения первого лица множественного числа *we*(мы) и соответствующего ему притяжательного местоимения первого лица множественного числа *our* (наш). Исходя из проанализированных интервью, мы склонны согласиться с данным утверждением. Однако в рамках политического дискурса Т. Мэй мы также наблюдаем некоторые «уклонения» от использования данных языковых средств.

Так, Т. Мэй неоднократно предпринимает попытку отождествить себя с государством, британским народом и его потребностями, в частности, выходом из Европейского Союза:

- «*We have provided stability and crucially we have rolled our sleeves up, we have got on with the job, we've said we are going to deliver on Brexit. We*

have taken that absolutely crucial first step, which is triggering Article 50 // «Мы обеспечили стабильность и, что самое главное, мы, засучив рукава, приступили к работе, мы сказали, что собираемся выполнить обязательство насчет Brexit. Мы уже сделали этот, безусловно, важный первый шаг, задействуя Статью 50» (Interview with Robert Peston 18.04.2017).

- *«We are leaving the European Union. We need to look now for a different future // Мы выходим из Европейского союза. Мы должны стремиться к иному будущему» (Interview with Robert Peston 18.04.2017).*

- *«It's not just the next five years but it's beyond the next five years, our standard of living, our place in the world // Это касается не только следующих пяти лет, но и затрагивает последующий период, речь идет о нашем уровне жизни, нашем месте в мире» (Interview with Andrew Neil 22.05.2017).*

- *«Now, our social care system will collapse unless we do something about it // Исходя из сегодняшней ситуации, наша социальная система будет терпеть крах до тех пор, пока мы не предпримем действия» (Interview with Andrew Neil 22.05.2017).*

Из представленных выше примеров мы видим, что политик поднимает актуальные вопросы, связанные с уровнем жизни населения, затрагивает проблему существующей системы социальной защиты, что, с одной стороны, позволяет ей создать впечатление общности взглядов со своим народом, демонстрирует некую заинтересованность в интересах граждан. Однако, с другой стороны, мы считаем, что использование личного местоимения первого лица множественного числа «we» и притяжательного местоимения первого лица множественного числа «our» не позволяет Т. Мэй в должной мере создать так называемый эффект «мы – совместного», так как данные языковые средства «стираются» за многократным использованием личного местоимения первого лица единственного числа «I»/ «я»:

- *«I want us to have the strongest possible hand for negotiating with the EU because I want to get the best possible deal for Britain. I want Brexit to be a*

real success for this country // Я хочу, чтобы у нас была самая мощная поддержка в переговорах с Европейским Союзом, потому что я хочу, чтобы Британия получила наиболее выгодные условия. Я хочу, чтобы дело по Брекситу принесло успех этой стране» (Interview with Robert Peston 18.04.2017).

- *«I think it's only fair to people to say that it is a problem and we need to fix it now. That's what I want to do. I want to fix it. So, people don't have the worry about their social care costs // Я думаю, довольно справедливо сказать людям, что это проблема и мы должны ее исправить. Это то, что я хочу сделать. Я хочу решить ее. Именно поэтому люди не должны беспокоиться о расходах на социальное обслуживание» (Interview with Andrew Neil 22.05.2017).*

- *«Because I want to be very clear that as a Conservative Party in government, as we always have been, we're a party that believes in lower taxes. I have every intention of reducing taxes on businesses and working families. But I want to ensure that when we do that, we're able to do that in a sustainable way // Потому что я хочу быть предельно ясной в том, что Консервативная партия является правительственной партией, которая верит в более низкие налоги. Это было всегда» (Interview with Andrew Neil 22.05.2017).*

Анализируя интервью Т. Мэй, мы учитываем тот факт, что в дискурсе всегда есть место для выражения личного мнения и без использования личного местоимения первого лица единственного числа «I» невозможно выстроить коммуникацию. В дискурсе Т. Мэй оно помогает политику показать свои лидерские качества, демонстрирует способность премьер-министра брать на себя ответственность. Однако в то же время это мешает реализации тактики отождествления, так как дискурс становится более персонализированным. В своих ответах Т. Мэй расставляет акцент на своих заслугах, «перетягивает одеяло» и ставит на первое место себя (I) и только потом свою команду («my team»):

- *«And what I'm doing, what I and my team are doing, is going out around*

the country talking to people, hearing from them, and talking to them about this crucial choice that the country will face on the 8th June // И то, что я делаю, то что я и моя команда делаем, это ведем разговоры с людьми, прислушиваемся к ним, разговариваем о том важном выборе, который им предстоит сделать 8 июня» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

Более того, «злоупотребление» личным местоимением «I» также было отмечено Джоном Сноу, который брал интервью у премьер-министра накануне выборов 7 июня 2017 года. Обратимся к следующим примерам:

- *«What I want to do is take away that worry from people that they may have to sell their family home during their lifetime what I am doing is setting out a long-term sustainable solution for Social Care which ensures that people can protect more of their savings to pass on to their children // Я хочу избавить людей от беспокойств о том, что им возможно придется продать свой дом. То, что я делаю, это разрабатываю долгосрочное устойчивое решение проблемы в области социального обеспечения, которое сможет гарантировать людям сохранность своих сбережений. Эти сбережения в последствии смогут быть переданы их детям» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).*

- *«So, I had a comprehensive free trade agreement, so our businesses can continue to trade into Europe, continuing to cooperate on security and defense matters ensuring that we're a country that is leading on science and innovation a number of other objectives that I've set out. I've been very clear about my brexit negotiation objectives... // И так, у меня было комплексное соглашение о свободной торговле, позволяющее нашим предприятиям продолжать свободную торговлю в Европе и вести сотрудничество по вопросам безопасности обороны, тем самым, гарантируя нам статус ведущей страны в области науки и технологий, а также в ряде других целей, которые я уже обозначила. Я предельно ясно обозначила мои задачи в Брексит переговорах» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).*

Так, интервьюер на высказывание Т. Мэй о проблемах, связанных с социальной защитой населения и необходимостью выхода Великобритании из Европейского Союза, подмечает, что возможно Т. Мэй поступает опрометчиво, говоря «my brexit negotiations»/ «мои Брексит-переговоры», а также выдвигает предположение о том, что причина слабой предвыборной кампании может крыться в «игнорировании» Т. Мэй всех тех, кто поддерживает ее кандидатуру (в частности, Джон Сноу имеет в виду Консервативную партию).

В рамках тактики акцентирования положительной информации в интервью Т. Мэй нами было выявлено преобладание форм будущего времени: Present Indefinite, Future Indefinite, Present Continuous, а также конструкции «to be going to» и «to be able to». С помощью данных форм Т. Мэй расставляет приоритеты и обозначает план действий, который, по ее мнению, приведет Великобританию к процветанию. Строя свой дискурс на формах будущего времени, Т. Мэй акцентирует внимание электората на тех возможностях, которые получит страна в случае ее победы на выборах.

- *«What I've tried to be is to show people that actually if we're going to build that stronger Britain, we've got to be willing to face up to these challenges and fix them // Я пыталась показать людям то, что, если мы, действительно, собираемся строить сильную Британию, мы должны быть готовы столкнуться лицом к лицу с этими трудностями и решить их» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

Грамматическая конструкция «to be going to» используется для описания намерения совершения действия в будущем времени. Из представленного примера мы видим, что Т. Мэй, позиционируя себя в качестве сильного лидера («a strong hand»), намеревается «построить» сильную Великобританию, преодолевая на пути все препятствия.

Кроме этого, в своем ответе Т. Мэй использует конструкцию «have got to be willing to face up» с квазимодальным глаголом «have got», выражающим

имеющуюся обязанность в данный момент времени (обязанность Т. Мэй быть готовой встретиться лицом к лицу с проблемами и решить их).

Кроме этого, мы отмечаем использование Т. Мэй грамматической конструкции «to be able to», заменяющей модальный глагол «can»:

- «*We need to be able to ensure we can fund social care for the future. We are doing the honest thing about putting a proposal to the British people... // Мы должны быть в состоянии обеспечить финансирование социальной помощи на будущее. Мы поступаем честно, выступая с предложением к британскому народу*» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

- «*I want to be able to guarantee EU citizens living here their rights and their status, but I think it's important that we ensure that UK citizens living in Europe have their rights and status guaranteed as well // Я хочу иметь возможность гарантировать гражданам ЕС, живущим здесь, их права и свой статус, но я также думаю, что нам, гражданам Великобритании важно обеспечить свои собственные права и статус*» (Interview with Andrew Marr 30.04.2017).

Так, конструкция «to be able to» подчеркивает необходимость совершения действия ввиду определённых обстоятельств, а также показывает, что Т. Мэй обладает всеми необходимыми навыками (опытом и профессиональными компетенциями), которые позволят ей решить актуальные для населения Великобритании вопросы.

Кроме этого, Т. Мэй неоднократно прибегает к синтаксической анафоре, тем самым подчеркивая важность реализации запланированных действий. Рассмотрим следующие примеры:

- «*We look into the brexit negotiations. What we want is strong and stable leadership. What we want is a clear plan going into those negotiations. And what we want is somebody who is willing, yes, to stand up for Britain // Мы рассматриваем Брексит-переговоры. Мы нуждаемся в сильном и устойчивом руководстве. Мы нуждаемся в четком плане на этих переговорах. И, да, мы нуждаемся в ком-то, кто готов отстаивать интересы*

Британии» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).

- «**Let's look at making** it easier to deport foreign terror suspects. **Let's meet** longer sentences for people who are convicted of terrorism offences. **Let's ensure** that we can take more action to restrict the freedom and the movements of terror suspect... // **Давайте** рассмотрим варианты, как легче депортировать иностранных лиц, подозреваемых в терроризме. **Давайте** примем более длительные сроки заключения людей, осужденных за терроризм. **Давайте** убедимся, что мы можем предпринять меры по ограничению свободы и передвижения подозреваемых в терроризме» (Interview with Jon Snow 07.06.2017).

Таким образом, синтаксическая анафора способствует интенсификации высказывания, что усиливает эмоциональную составляющую политического дискурса Т. Мэй.

Обратимся к еще одному яркому примеру, когда Т. Мэй также использует синтаксическую анафору, выражающую будущее время (Future Indefinite) «won't have to worry». Данный синтаксический прием позволяет Т. Мэй продемонстрировать потенциальному избирателю, что она – тот политик, который осознает обеспокоенность своих граждан и нацелен ее «искоренить»:

- «*Now, what I've put forward is a social care policy which means that people **won't have to worry** if they're sitting there, you know, month after month worrying about money coming out of their bank accounts to pay for their care and worrying how long that will last. They **won't have to worry** because they won't have to be paying during their lifetime. They **won't have to worry** that they're going to have to sell their house during their lifetime // Сейчас я предложила политику социальной защиты, которая освободит людей **от необходимости беспокоиться**, знаете, если они сидят там месяцами и думают о деньгах, которые уходят с их банковских счетов на оплату их социальной защиты. Им не придется думать о том, как долго это еще продлится. Они **не будут беспокоиться**, потому что им не придется делать*

эти выплаты на протяжении их жизни. Они не будут беспокоиться о том, что им придется продать их дом» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).

Не менее важной в интервью Т. Мэй является тактика дистанцирования от оппонента. В ходе анализа было выявлено, что дистанцирование репрезентируется помощью противительных конструкций, а также риторических вопросов, построенных на оппозиции «свой – чужой». Рассмотрим более подробно следующие фрагменты интервью:

- *«I called an election several weeks ago, I called an election on this whole issue of trust, because the question that people face is **who do they trust to take this country though the Brexit negotiations?**// **Who do they trust to face up to the Presidents, the Prime Ministers, the Chancellors of Europe and the European Commission?**//**Who do they trust to get the best deal for the UK?**// They have to decide, cause it's only going to be one of two people // It's **either me or Jeremy Corbyn**. And the question for everybody on the 8th of June is **who do they trust to get the deal for the UK** // Я назначила выборы несколько недель назад, я созвала выборы насчет всей этой проблемы доверия, потому что главный вопрос заключается в том, кому они доверяют вести переговоры по Брекситу? // Кому они доверяют встретиться лицом к лицу с президентами, премьер-министрами, канцлерами Европы и Европейской комиссии? // Кому они доверяют заключить лучшую сделку для Великобритании? // Они должны решить, потому что это будет только один из двух человек // Или я, или Джереми Корбан. И вопрос для всех 8 июня таков: кому они доверят заключить сделку для Великобритании» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

В представленном примере тактика дистанцирования реализуется в структурной организации высказывания. Так, Т. Мэй задает целый ряд риторических вопросов, усиливающих эмоциональное воздействие на избирателя. Мы считаем, что с помощью данного синтаксического средства премьер-министр хочет донести до избирателя, что ему в конечном итоге придется сделать выбор в пользу того или иного кандидата (оппозиция

«Т. Мэй – Д. Корбан»). Также Т. Мэй использует разделительный союз «either...or»/ «или... или», тем самым противопоставляя себя своему оппоненту.

Кроме этого, ответы Т. Мэй о партиях-конкурентах строятся с помощью условных предложений, в том числе с модальными глаголами «could» (в значении условной формы глагола «can»):

- *«We could play politics with it, as the Labour Party is doing. Or we could show how we can fix it // Мы могли бы «играть в политику», как это делает Лейбористская партия. Или мы могли бы показать, как мы можем это исправить» (Interview with Andrew Neil, 22.05.2017).*

В приведенном примере глагол «could» выражает вероятность действия. Т. Мэй использует условное предложение с целью показать, что ее партия выбирает «играть» честно в отличие от Лейбористской партии. Отметим, что условное предложение строится на основе оппозиции с разделительным союзом «or», что также позволяет достичь эффекта «свой – чужой».

Отметим, что в дискурсе Т. Мэй присутствуют условные предложения нулевого типа, выражающие общие истины о реальном мире:

- *«If you look at the proposals that the Labour Party are coming forward with, they're nonsensical proposals which simply don't add up// «Если вы посмотрите на предложения, выдвигаемые лейбористской партией, то увидите, что это бессмысленные предложения, которые просто не имеют смысла» (Interview with Andrew Marr 30.04.2017).*

Так, мы полагаем, что, используя условное предложение нулевого типа Т. Мэй тем самым подчеркивает естественное положение дел, а именно, «абсурдность» и «несостоятельность» предложений оппонента («nonsensical proposals») и, напротив, «рациональность» своих решений проблем.

В ходе нашего исследования мы выявили ряд языковых средств, используемых Т. Мэй на грамматическом уровне в трех тактиках. Так, в ходе анализа мы пришли к выводу, что использование личного местоимения

первого лица единственного числа «I»/ и соответствующего ему притяжательного местоимения первого лица единственного числа «my» не позволяет Т. Мэй в полной мере реализовать тактику отождествления посредством личного местоимения первого лица множественного числа «we» и соответствующего ему притяжательного местоимения «our». Напротив, тем самым премьер-министр дистанцирует себя как от Консервативной партии, представителем которой является, так и от потенциального избирателя.

Кроме этого, формы будущего времени, синтаксическая анафора, характерные тактике акцентирования положительной информации, а также сложные синтаксические конструкции (противительные предложения с разделительными союзами, предложения с модальными глаголами, условнонаклонение первого типа, риторические вопросы), присущие тактике дистанцирования от оппонента, являются неотъемлемыми средствами, направленными на реализацию стратегии самопрезентации в англоязычном дискурсе.

2.2. Языковые средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактики в текстах интервью А. Меркель

2.2.1. Лексические средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью А. Меркель

Иллюстративным материалом для анализа немецкоязычного политического дискурса послужили 4 текста интервью А. Меркель в период предвыборной компании 2017 года (24 841 – общее число знаков). В ходе исследования было выявлено три тактики, позволяющие А. Меркель реализовать стратегию самопрезентации:

- тактика отождествления;
- тактика акцентирования положительной информации;
- тактика дистанцирования от оппонента;

В рамках тактики отождествления особое место в речи А. Меркель занимают существительные с обобщенным значением, в частности, существительное *der Mensch/ die Menschen* («человек/ люди»), позволяющие канцлеру донести до избирателя идею «единства» (общности взглядов) политической элиты с избирателем.

- «*Wir haben uns dabei mit einem der zentralen Probleme beschäftigt, die auch **die Menschen** umtreiben...*»/ «Мы имели дело с одной из центральных проблем, которая также «преследует» **людей**...».

- «*Aber wir beschäftigen uns vor allen Dingen auch mit Einkommensmöglichkeiten für die Menschen in den Regionen, in denen das Einkommen heute aus den illegalen Strukturen der Schlepperei entsteht*»/ «Но, прежде всего, мы также обеспокоены возможностями получения дохода для **людей в регионах**, где сегодня доходы происходят от незаконных контрабандистских структур».

- «*Schauen Sie, das Fernsehduell findet doch statt, damit sich **die Menschen in Deutschland** ein Bild davon machen können, welche Konzepte und Vorstellungen für die Zukunft die beiden Spitzenkandidaten, wenn ich es einmal so nennen darf, haben, die eine realistische Chance darauf haben, das Amt des Bundeskanzlers auszuüben*»/ «Слушайте, телевизионная дуэль происходит с той целью, чтобы **люди в Германии** могли понять, какие концепции и идеи на будущее есть у двух лучших кандидатов, если можно так выразиться, которые имеют реальный шанс для осуществления работы Федерального канцлера».

- «*Insofern haben Sie es schon richtig gesagt: Es gibt immer **Menschen**, die das hören wollen*»/ «Итак, вы верно сказали: всегда есть **люди**, которые хотят это услышать» (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

Затрагивая экономические проблемы, А. Меркель подчеркивает важность каждого человека в каждом регионе по всей Германии («*für die Menschen in den Regionen*»), тем самым создавая эффект «единения» народа и

политической элиты.

Кроме вышеописанных лексических средств, в ходе анализа нами было выявлено использование канцлером речевых форм («*wir alle*/ «мы все»; «*Ich glaube das auch...*»/ «я разделяю ваше мнение», «*Ich weiß...*»/ «я понимаю»), «*natürlich*»/ «действительно» и др.), выражающих общность взглядов. Рассмотрим следующие примеры:

- «*Zu dem Treffen war ja vor allen Dingen auch deshalb eingeladen worden, weil **wir alle miteinander** mit dem Thema Migration und Flucht sehr beschäftigt sind. Italien als Nachbar von Libyen, Frankreich und Spanien haben schon viele Erfahrungen in diesem Zusammenhang gemacht*»// «Одной из основных причин нашей встречи стала проблема миграции, которая затрагивает **всех нас**. Италия, будучи соседом Ливии, Франции и Испании уже имеет много опыта в этом контексте» (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08 2017).

- «***Wir alle** haben einen riesigen Maßnahmenkatalog, Luftreinhaltepläne, die um gesetzt und die von uns auch finanziert werden*»/ «**У всех нас** есть огромный список мер, «чистые» «воздушные» планы, которые осуществляются и финансируются нами» (А. Меркель, Interview vom 04.09.2017).

- «***Ich weiß**, dass die Softwarelösung ein gutes erstes Angebot ist. Das wollen wir natürlich gern*»/ «**Я знаю**, что программное решение является хорошим первым предложением. Конечно, мы хотим это сделать» (А. Меркель, Interview vom 04.09 2017).

- «***Wir alle** haben erlebt, dass in den letzten Monaten und Wochen in Deutschland und Großbritannien sowie auch in Belgien, Frankreich und vielen anderen Ländern terroristische Anschläge zu beklagen waren. Dieser gemeinsamen Herausforderung müssen sich auch die Europäische Union sowie andere Organisationen wie die Nato und UNO annehmen*»/ «**Мы все** были свидетелями терактов в последние месяцы и недели в Германии и Великобритании, а также в Бельгии, Франции и многих других странах. Эта

общая задача должна также решаться Европейским Союзом и другими организациями, такими как НАТО и ООН» (А. Меркель, Interview: Investition in unsere Sicherheit, 21.08.2017).

- *«Heute ist die Welt multipolarer. Aber Sie haben recht: Gleichsam einen Rechtsanspruch darauf, dass die Amerikaner sich überall auf der Welt engagieren, haben wir wirklich nicht. Die USA werden sich vermutlich nicht in dem Maße, wie es notwendig wäre, in Afrika engagieren, zumal sie im afrikanischen und arabischen Raum kaum noch Ölintereessen haben. Alleine dieser Umstand verändert die Situation gravierend»/ «Сегодня мир более многополярный. Но вы правы: мы не можем, так сказать, выступить с законным притязанием о том, что американцы вовлечены в дела всего мира. США вряд ли будут участвовать в Африке настолько, насколько это необходимо, тем более, если у Америки нет в африканских и арабских регионах «нефтяного» интереса. Одно только это обстоятельство серьезно меняет ситуацию» (А. Меркель, Interview: Alle sollen von Wachstum profitieren, 07.07.2017).*

- *«Es müssen weitere folgen, und es muss deutlich und schneller vorangehen, wenn wir Fahrverbote vermeiden wollen - was **wir alle miteinander betont haben.**»/ «Если мы хотим избежать запретов на вождение, мы должны действовать быстрее. Мы все это понимаем» (А. Меркель, Interview: Presskonferenz zum Gespräch der Bundeskanzlerin mit Vertretern der Kommunen zur Luftqualität in Städten von 04.09. 2017).*

Представленные речевые формы «*wir alle miteinander*», «*wir alle*», «*Ich weiß*», «*Sie haben recht*» позволяют политику выразить открытую эмпатию, формируя положительную оценку со стороны потенциальных избирателей.

Следующая тактика, которая была выявлена в немецкоязычном дискурсе, – тактика акцентирования положительной информации, основной стратегической задачей которой является эксплицитное выделение в речи говорящего наиболее «существенного» для потенциального избирателя. Для данной тактики характерно использование количественных числительных,

оценочной лексики. Мы считаем, что данные языковые средства в полной мере использованы в дискурсе А. Меркель. Обратимся к ответам канцлера, репрезентирующим рассматриваемую нами тактику:

- *«Mit den Afrikapolitischen Leitlinien der Bundesregierung haben wir dieser Politik bereits **im Jahr 2014** einen umfassenden Rahmen gegeben. Wir müssen uns den vielfältigen Herausforderungen in Afrika gemeinsam mit unseren Partnern stellen, um eine friedliche und nachhaltige Entwicklung auch im Sinne der UNO-Agenda 2030 zu erreichen // Руководствуясь политическими рекомендациями африканского федерального правительства, мы уже придали этой политике всеобъемлющие рамки в **2014 году**. Вместе с нашими партнерами мы должны противостоять многочисленным и разнообразным вызовам в Африке, чтобы добиться соблюдения мирного и устойчивого развития в соответствии с повесткой дня ООН до **2030 года**» (А. Меркель, Interview: Investition in unsere Sicherheit, 21.08.2017).*

- *«Ich will aber noch einmal sagen: Es gab eine Kontroverse. Ich bin nach wie vor der Ansicht, dass wir die blaue Plakette als ein Instrument benötigen. Natürlich bedeutet die blaue Plakette letztendlich auch Fahrverbote, die wir eigentlich nicht wollen. Aber sie ist ein Instrument, das so angelegt ist, dass wir sie erst bei einer Durchdringung des Marktes mit Euro **6 von 80 Prozent** ankündigen - so haben wir es frühestens ab **2020** vorgesehen -, damit sich alle auf das einstellen können, was auf sie zukommt. Das ist eine Maßnahme, die nur die Stadt ergreifen muss, die das für notwendig erachtet»/ «Но я хочу снова сказать: была полемика. Я все еще считаю, что нам нужен синий значок в качестве инструмента. Конечно, синий значок, в конечном счете, означает запреты на вождение, которых мы действительно не хотим. Но это решение, о котором говорится, что мы объявим о нем только при нахождении рынка евро с 6 до 80 процентов – мы это предусмотрели не раньше 2020 года, чтобы все могли нацеливаться на то, что их ожидает. Также это мера, которую должен принять только тот город, который считает это необходимым» (А. Меркель, Interview: Pressekonferenz zum Gespräch der*

Bundeskanzlerin mit Vertretern der Kommunen zur Luftqualität in Städten, vom 04.09. 2017).

Так, в представленных примерах А. Меркель использует количественные числительные, в частности годы и проценты («im Jahr 2014», «der UNO-Agenda 2030», «6 von 80 Prozent», «ab 2020»). Благодаря данным лексическим единицам речь канцлера становится информационно наполненной, что является важной составляющей политического дискурса как институционального типа дискурса.

Кроме этого, тактика акцентирования положительной информации репрезентируется с помощью глаголов и прилагательных с положительной коннотацией:

- *«Na ja, wir haben, was erst einmal die Eurozone anbelangt, durchaus recht **positive** Daten. Alle Mitglieder des Euroraums haben Wirtschaftswachstum, inklusive Griechenlands. Zweitens ist die Zahl der Arbeitslosen **signifikant zurückgegangen**. Die Zahl der Arbeitsplätze, also auch der **neu** geschaffenen Stellen, **wächst**»/ «Ну, у нас есть довольно **позитивные** данные, касающиеся Еврoзoны. Все члены еврозоны наблюдают экономический рост, включая Грецию. Во-вторых, **значительно сократилось** число безработных. Число рабочих мест, включая **вновь созданные** рабочие места, **растет**»*

А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08 2017).

- *«Erstens können wir feststellen, dass heute die Eurozone **sehr viel stärker** da steht. Das sagt die Europäische Zentralbank. Das hat Jean-Claude Juncker jetzt gesagt. Wir haben in allen Euro-Mitgliedstaaten wieder Wachstum. Die Strukturreformen **haben** auch dazu **geführt**, dass die Arbeitslosigkeit **zurückgeht**. Das sind **gute** Daten. Deshalb bin ich im Rückblick der Meinung, dass im Grundsatz unsere Entscheidungen **richtig** waren. Aber Stillstand ist ja keine Antwort auf die Herausforderungen der Zukunft»/ «Во-первых, мы видим, что сегодня зона евро **намного сильнее**. Об этом говорит Европейский центральный банк. Жан-Клод Юнкер подтвердил это сейчас. Мы снова наблюдаем рост во всех государствах-членах еврозоны. Структурные*

реформы также привели к сокращению безработицы. Это хорошие данные. Поэтому в ретроспективе я считаю, что в принципе наши решения были правильными. Но стагнация – это не ответ на вызовы будущего»

(А. Меркель, Interview: Pressekonferenz zum Gespräch der Bundeskanzlerin mit Vertretern der Kommunen zur Luftqualität in Städten, vom 04.09. 2017).

В дискурсе А. Меркель прилагательные «gut», «stark», «richtig», «signifikant», «neu», «positiv» выполняют оценочную функцию. С помощью данных лексических единиц канцлер дает прямую положительную оценку своей деятельности, что подтверждает семантика слов.

Семантика лексической единицы «gut»:

- den Ansprüchen genügend; von zufriedenstellender Qualität, ohne nachteilige Eigenschaften oder Mängel
- wirksam, nützlich

Семантика лексической единицы «richtig»:

- als Entscheidung, Verhalten o. Ä. dem tatsächlichen Sachverhalt, der realen Gegebenheit entsprechend; zutreffend, nicht verkehrt
- keinen Fehler oder Widerspruch, keine Ungenauigkeiten, Unstimmigkeiten enthaltend

Семантика лексической единицы «neu»:

- erst seit Kurzem vorhanden, bestehend; vor kurzer Zeit entstanden, begründet; davor noch nicht da gewesen

Семантика лексической единицы «signifikant»:

- in deutlicher Weise als wesentlich, wichtig, erheblich erkennbar

Семантика лексической единицы «positiv»:

- wirklich, konkret
- günstig, vorteilhaft, wünschenswert, erfreulich [Duden, 2019: URL].

Более того, используя прилагательное «stark» в сравнительной степени («viel stärker»), А. Меркель тем самым подчеркивает изменения, произошедшие в Евроне, в частности, укрепление ее позиций в мире, повышение производительности и эффективности ее членов. Наречие меры и

степени «viel», относящееся к прилагательному, также выступает в роли «интенсификатора».

Семантика лексической единицы «stark»:

- viel Kraft besitzend, über genügend Kräfte verfügend; von viel Kraft zeugend; kräftig
- eine große Anzahl von Teilnehmern, Angehörigen, Mitgliedern o. Ä. aufweisend
- hohe Leistung bringend; einen hohen Grad von Wirksamkeit besitzend; leistungsstark [Duden, 2019: URL].

В данном примере наряду с оценочными прилагательными присутствуют глаголы с положительной коннотацией: «führen» («in eine bestimmte Situation, Lage bringen»), «zurückgehen» («wieder an den, in Richtung auf den Ausgangsort gehen»), «wachsen» («an Größe, Ausmaß, Zahl, Menge o. Ä. zunehmen; sich ausbreiten, sich ausdehnen, sich vermehren») [Там же]. Обращаясь к данным глаголам, А. Меркель подчеркивает тот факт, что под ее руководством ситуация в стране нормализуется, в частности, решаются вопросы социальной защиты населения, происходит снижение уровня безработицы. Мы считаем, что с помощью данных лексических единиц в сознании избирателя укрепляется образ А. Меркель в качестве «стабильного» и «надежного» политического лидера, что способствует, в свою очередь, реализации стратегии самопрезентации.

Таким образом, мы полагаем, что такие языковые средства, как количественные числительные, оценочные прилагательные, глаголы с положительной коннотацией, реализующие тактику акцентирования положительной информации, помогают А. Меркель заявить электорату о результатах, достигнутых совместным трудом с партией, страной и Европейским Союзом, а также презентовать себя как активного политического деятеля, достойного поста канцлера Германии.

2.2.2. Грамматические языковые средства реализации стратегии самопрезентации и составляющих ее тактик в интервью А. Меркель

В ходе практического исследования в немецкоязычном политическом дискурсе были выявлены грамматические языковые средства, реализующие тактику отождествления, тактику акцентирования положительной информации, а также тактику дистанцирования от оппонента.

Исходя из проанализированных интервью, мы можем утверждать, что в дискурсе А. Меркель одним из самых распространённых языковых средств реализации стратегии самопрезентации посредством тактики отождествления на морфологическом уровне является использование личного местоимения первого лица множественного числа *wir* (мы), а также притяжательного местоимения первого лица множественного числа *unser* (наш).

Поднимая вопрос миграции, являющийся наиболее острым для всего европейского сообщества, А. Меркель практически в каждом ответе на вопрос, заданный интервьюером, использует вышеупомянутые местоимения, делая повествование более субъективным:

- *«Deutschland hat bereits im vergangenen Jahr zusammen mit anderen Ländern eine Migrationspartnerschaft mit Niger begonnen. Wir versuchen, die staatlichen Strukturen dort zu stärken. Wir versuchen, den Grenzschutz besser auszurüsten»/ «В прошлом году Германия совместно с другими странами начала активное миграционное партнерство с Нигером. Мы стараемся укреплять там государственные структуры. Мы стараемся укрепить охрану границ»* (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

- *«Der Geist war, dass man solche schwierigen Themen nur im Dialog löst. So haben wir den Geist des Dialogs und der Zusammenarbeit auch als ein wichtiges Prinzip für unsere Kooperation definiert»/ «Суть в том, что такие сложные вопросы решаются только в диалоге. Таким образом, мы также определили направление диалогов и совместную работу в качестве важного*

компонента *нашей* «кооперации» (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

- *«Das sind die Wurzeln, aus denen wir unsere Politik speisen. Aber diese müssen natürlich auf immer neue Herausforderungen angewandt werden. Die Mitgliedschaft der CDU hat sich verändert, gerade und ganz besonders durch die deutsche Einheit. Das war schon immer klar. Wir haben wie alle Volksparteien damit zu kämpfen, dass wir, wenn wir Volkspartei sein wollen, auch junge Leute für die politische Arbeit gewinnen müssen»/ «Это именно те «корни», из которых мы кормим нашу политику. Конечно, они должны применяться к новым вызовам. Членство в ХДС изменилось, сейчас и особенно благодаря единству Германии. Мы, как и все народные партии, должны стремиться к этому, если мы хотим быть народной партией и вовлечь молодежь в политическую деятельность»* (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

- *«Das ist unser Interesse und unsere europäische Verpflichtung»/ ««Это наш интерес и наше европейское обязательство».* (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

- *«Mir liegt unser gutes Zusammenleben mit türkischstämmigen Menschen hier in Deutschland sehr am Herzen»/ «Я удовлетворена нашим хорошим сосуществованием с гражданами турецкого происхождения»* (А. Меркель, Interview: Alle sollen Wachstum profitieren, 07.07.2017).

Используя местоимения *wir* и *unser*, А. Меркель подразумевает партию ХДС/ХСС и ее потенциальных избирателей, которые трудятся во благо всей Германии. Говоря *«unsere Politik»/«наша политика», «unsere Kooperation»/«наша совместная деятельность»*, А. Меркель демонстрирует общность взглядов партии и немецкого народа. «Мы-совместное» делает ее речь более экспрессивно окрашенной, позволяя вовлечь адресата, повлиять на его восприятие, а также представить себя в качестве канцлера в положительном свете. Отметим, что в глазах немецкоязычного сообщества по оценкам СМИ А. Меркель отождествляется с «порядком», «стабильностью»,

«устойчивостью» и «законностью». Мы считаем, что в ее речи этот образ находит проявление в употреблении личного местоимения первого лица множественного числа *wir* в значении «*Deutschland*»/ «Германия».

Исходя из проанализированного материала, мы заметили, что канцлер отождествляет себя не только со своей страной, но с и Европейским союзом. Для нее важно завоевать не только авторитет среди своих сограждан, но и среди европейского сообщества. В ответах она неоднократно упоминает тот факт, что Германия разделяет общность взглядов в отношении продвижения европейских ценностей. Приведем пример:

- «*Wir haben immer die Politik verfolgt, mit allen europäischen Partnern zu sprechen. Sie werden auch keine Fortentwicklung der Europäischen Union erreichen, wenn Sie nicht den Kontakt zu allen suchen*»/ «**Мы** всегда следовали политике общения со всеми европейскими партнерами. Ведь вы не сможете развить Европейский союз, если вы не поддерживаете контакты с другими государствами». (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

Таким образом, отождествление «*wir*»– «Еуропа» («мы»– «Европа») позволяет ей показать себя в качестве надежного политика-профессионала, знающего свое дело не только внутри страны, но и на международной арене.

В рамках тактики акцентирования положительной информации в интервью А. Меркель мы отмечаем преобладание формы сложного завершеного прошедшего времени Perfekt, образующегося с помощью причастия прошедшего времени (Partizip II) и вспомогательного глагола *haben/ sein*:

- «*Wir haben doch folgende Situation: Wir **haben** Fortschritte bezüglich unserer Rettungskapazitäten in außergewöhnlichen Situationen **gemacht**. Aber wir **haben** vor allen Dingen auch bezüglich der Bankenunion Fortschritte **gemacht**. Wenn ich an die Mechanismen denke, die wir **ausgearbeitet haben**, dann sehe ich, dass es hier schon ein sehr gutes Sicherheitsnetz gibt*»/ «У нас следующая ситуация: мы **добились** прогресса в нашей «спасательной способности» в

исключительных ситуациях. Но, прежде всего, мы также **добились** прогресса в банковском союзе. Когда я думаю о механизмах, которые мы **разработали**, я вижу, что здесь появилась очень хорошая сеть безопасности» (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08.2017).

- «Mit den EU-Migrationspartnerschaften **haben** wir einen Schwerpunkt auf die Eindämmung der von kriminellen Schleppern und Schleusern organisierten illegalen Migration, die bereits Tausende das Leben gekostet hat, **gelegt**. Wir **haben** Maßnahmen auf den Weg **gebracht**, die helfen können, die Fluchtursachen in den Herkunftsländern zu vermindern. Wir **haben** unser Engagement zur Stärkung von Frieden und Sicherheit in Afrika sowohl im zivilen als auch militärischen Bereich **ausgebaut**. Und wir **haben** Afrika zu einem Schwerpunkt unserer G20-Präsidentschaft **gemacht** //В рамках миграционного партнерства ЕС мы **сосредоточились** на борьбе с нелегальной миграцией, организованной преступными контрабандистами, которые унесли уже тысячи жизней. Мы **предприняли** меры, которые могут помочь ограничить количество причин бегства людей в странах. Мы расширили наши усилия относительно мира и безопасности в Африке как в гражданской области, так и военной. И мы **сделали** Африку центром нашего председательства в G-20» (А. Меркель, Interview: Investition in unsere Sicherheit, 21.08.2017).

Так, с помощью форм прошедшего времени «haben gelegt», «haben gebracht», «haben ausgebaut», «haben gemacht» А. Меркель акцентирует внимание избирателя на совместно достигнутом результате, который уже принес свои плоды для Германии и ее граждан. Мы считаем, что в дискурсе А. Меркель данная грамматическая форма помогает канцлеру доказать избирателю свою способность выполнять свои непосредственные обязанности в качестве политического лидера.

Тактика дистанцирования от оппонента реализуется на грамматическом уровне с помощью оппозиции «свой – чужой». В ходе анализа языковых средств в дискурсе А. Меркель нами было выявлено

использование притяжательных местоимений («*Ihr*»/ «*Wau*» – «*mein*»/ «мой») с целью противопоставить свою партию и всю Германию партиям-оппонентам, а также иностранным государствам:

- «*Ich weiß nicht, was Ihre Definition von Wahlkampf ist. Meine Definition von Wahlkampf besteht darin, dass wir verstärkt - das tun wir eigentlich immer, aber im Wahlkampf verstärkt - und mit speziellen Formaten den Menschen das nahebringen, erklären und auch für Nachfragen zu dem zur Verfügung stehen, was wir als Parteien uns für die Zukunft überlegt haben*»/ «Я не знаю, каково **Ваши** определение избирательной кампании. **Мое** определение избирательной кампании заключается в том, что **мы** наращиваем - **мы** всегда это делаем, но в избирательной кампании **мы** это особо усиливаем, используя, «специальные форматы», чтобы приблизить людей, объяснить, а также получить доступ к запросам, которые необходимо рассмотреть в будущем» А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08 2017).

- «*Hinzu kommt, dass die amerikanische Administration und mit ihr Präsident Trump die Globalisierung anders bewerten als wir in Deutschland// Кроме того, американская администрация со своим президентом Трампом дают другую оценку процессу глобализации, нежели мы в Германии*» (А. Меркель, Interview: Alle sollen von Wachstum profitieren, 07.07.2017).

Отметим, что, как правило, оппозиция «свой – чужой» строится на категории «плохой – хороший», что позволяет в рамках политической коммуникации посредством тактики дистанцирования от оппонента напрямую воздействовать на потенциального избирателя, манипулируя его эмоциями и мнениями.

Также на грамматическом уровне тактика дистанцирования реализуется с помощью сложносочиненных предложений с противительной связью («*nicht/ kein... sondern*») на основе оппозиции «свой – чужой».

- «*Hier wird kein Präsident gewählt wie in Frankreich oder den Vereinigten Staaten von Amerika, sondern in Deutschland werden Parteien*

gewählt. Deshalb denke ich, dass ein solches Duell und ansonsten viele verschiedene andere Formate die richtige Antwort sind»/ «Здесь выбирают не президента, как во Франции или Соединенных Штатах Америки, в Германии выбирают партии. Поэтому я считаю, что такой поединок и многие другие форматы – правильный ответ» (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08 2017).

В представленном примере А. Меркель противопоставляет выборную систему в Германии французской и американской, заявляя избирателю, что «их» формат наиболее правильный. Сложносочиненные предложения с противительной связью позволяет структурно разделить видение политического устройства государства по принципу «хороший – плохой» (категория «свой – чужой»).

Также в дискурсе А. Меркель мы выделяем сложноподчиненные предложения с придаточным условия (союз «wenn» с неизменяемым наречием «dann»), основной функцией которых является структурирование высказывания и «обозначение» границ между «своим» и «чужим» мнением.

- *«Wenn Wahlkampf vielleicht in der Definition mancher - ich weiß es nicht - bedeutet: „Schön ist Wahlkampf nur, wenn man sich gegenseitig beschimpft“, dann ist das nicht die Vorstellung, die ich von Wahlkampf habe. Ich werbe um Stimmen. Deshalb ist meine Hauptaufgabe, darzulegen, was wir für die nächsten vier Jahre wollen»/ «Если избирательная политика может быть направлена, в определении некоторых - я не знаю, на причинение вреда друг другу, то это не относится к моей компании. Я добиваюсь голосов. Поэтому моя главная задача - объяснить, что мы хотим в течение следующих четырех лет» (А. Меркель; Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, 29.08 2017).*

Приведенный пример демонстрирует, что А. Меркель как кандидат на пост канцлера Германии придерживается определенного видения того, как должна проходить избирательная компания и дистанцируется от мнения «конкурентов», занимая свою нишу на политической арене. А. Меркель

строит ответ на основе параллельного противопоставления «мы» (партия А. Меркель, выдвигающая более «щадящую, скучную», по мнению конкурентов, предвыборную кампанию, в основе которой лежит задача «объяснить и информировать») и «они» (те, кто за более грубую, «взаимно уничтожительную предвыборную кампанию»). Дистанцируя себя от «других», А. Меркель тем самым убеждает электорат в своей независимости и способности действовать, согласуясь с реальными нуждами общества.

Так, на грамматическом уровне были выявлены языковые средства, реализующие три тактики. Первая рассмотренная нами тактика – тактика отождествления репрезентируется в дискурсе канцлера Германии А. Меркель с помощью личного местоимения первого лица множественного числа «wir», а также соответствующего ему притяжательного местоимения «unser», что позволяет политику создать чувство «общности» со своей партией, коллегами, Германией и ее гражданами, Европейским союзом.

В рамках тактики акцентирования положительной информации мы выделяем такое грамматическое средство, как формы сложного завершённого прошедшего времени Perfekt, акцентирующие внимание на достигнутых результатах А. Меркель. Также отметим, что в рамках тактики дистанцирования А. Меркель использует сложносочиненные предложения с противительной связью, структурно разделяющие «политику Канцлера» и «политику других» на основе оппозиции «свой – чужой», а также сложноподчиненные предложения с придаточным условия, выполняющие функцию «обозначения границ» между А. Меркель и ее способами урегулирования актуальных вопросов и политикой оппонента.

2.3. Сравнительный анализ языковых средств реализации стратегии самопрезентации в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе

Исходя из проанализированных интервью Т. Мэй и А. Меркель за 2017 год общим количеством в более чем 40 тысяч знаков, мы выделили четыре тактики, реализующие стратегию самопрезентации в дискурсе Т. Мэй

1) тактика отождествления; 2) тактика открытости к публике; 3) тактика акцентирования положительной информации и 4) тактика дистанцирования от оппонента, а также три тактики, реализующие стратегию самопрезентации в дискурсе А. Меркель: 1) тактика отождествления; 2) тактика акцентирования положительной информации; и 3) тактика дистанцирования от оппонента.

Так, реализуя стратегию самопрезентации посредством тактики отождествления, оба политика выбирают такое лексическое средство, как существительное с обобщенным значением («British people/ people», «der Mensch/ die Menschen»). На грамматическом уровне политики используют личное местоимение первого лица множественного числа «we»/ «wir» и соответствующее ему притяжательное местоимение «our»/ «unser». Несмотря на то, что Т. Мэй и А. Меркель одинаково репрезентируют данную тактику с помощью вышеперечисленных языковых средств, нами была выявлена явная персонализация англоязычного политического дискурса. В дискурсе Т. Мэй, в отличие от дискурса А. Меркель, прослеживается высокая степень использования личного местоимения 1 лица единственного числа «I».

В ходе анализа в дискурсе Т. Мэй нами была выявлена тактика открытости к публике, реализующаяся с помощью лексических единиц «to be open with»; «to trust»/ «to put trust in someone or something»). Посредством данных языковых средств Т. Мэй выражает свои искренние намерения и готовность к партнерским отношениям. В дискурсе А. Меркель данных лексических единиц, репрезентирующих тактику открытости с публикой, выявлено не было. Мы объясняем данное отличие тем, что ввиду слабой

предвыборной кампании Т. Мэй и негативной реакции избирателя, премьер-министр стремится «компенсировать неодобрение» за счет представленных форм.

Однако, несмотря на отсутствие лексических единиц, выражающих «открытость» в немецкоязычном дискурсе, отметим, что в рамках тактики отождествления канцлер обращается к речевым формам «*wir alle miteinander*», «*wir alle*», «*Ich weiß*», «*Sie haben recht*», позволяющим политику выразить открытую эмпатию, тем самым формируя положительную оценку со стороны потенциальных избирателей.

Прежде чем выделить схожие и различные черты в использовании языковых средств Т. Мэй и А. Меркель, характерных для тактики акцентирования положительной информации, отметим, что Великобритания и Германия являются низкоконтекстными культурами (по классификации Э. Холла), для которых характерна открытая коммуникация, вербальная составляющая играет первостепенную роль. Будучи культурами с низким контекстом, англичане и немцы склонны к тому, чтобы давать предельно информативную оценку сказанному, для них не свойственны такие качества, как нерешительность и уклонение от ответов. Исходя из данной классификации, а также нашего практического исследования мы можем сделать вывод, что англоязычный и немецкоязычный дискурс имеет высокую степень информативности.

Для тактики акцентирования положительной информации характерно широкое использование количественных числительных, оценочных прилагательных и глаголов с положительной коннотацией, форм прошедшего времени (в том числе перфектных формы, выражающих завершенность действия в прошлом к настоящему моменту). Данные языковые средства составляют информативную наполненность высказывания.

В частности, на грамматическом уровне в дискурсе Т. Мэй преимущественно преобладает будущее время (Present Indefinite, Future

Indefinite, Present Continuous, конструкции «be going to», «to be able to»), что позволяет политику выразить избирателю свои «благие намерения» относительно тех или иных вопросов. Также, в англоязычном дискурсе тактика акцентирования положительной информации представлена посредством синтаксической анафоры, способствующей интенсификации высказывания.

На лексическом уровне в англоязычном дискурсе нами отмечается использование Т. Мэй оценочных прилагательных «strong», «ambitious», «confident», «global», характеризующих Великобританию как глобальную, амбициозную, сильную и уверенную страну, глаголов с положительной коннотацией «to build», «to achieve», «to ensure», «to guarantee», «to deliver», «to fund» и многие др., создающих образ политика, деятельность которого, главным образом, направлена на созидание. Отметим, что в речи премьер-министра в рамках тактики акцентирования положительной информации нами наблюдается замена количественных числительных на абстрактные существительные «money», «funds», «a (huge) number of», «(huge) sums of money», а также абстрактные существительные с неопределенным местоимением «some», что также нетипично для низкоконтекстной культуры, так как именно числительные составляют информативность высказывания.

В дискурсе А. Меркель нами были выявлены формы сложного завершённого прошедшего времени (haben gelegt», «haben gebracht», «haben ausgebaut», «haben gemacht»), количественные числительные («im Jahr 2014», «der UNO-Agenda 2030», «6 von 80 Prozent», «ab 2020»), оценочные прилагательные «gut», «stark», «richtig», «significant», «neu», «positiv» и др., с помощью которых канцлер дает прямую положительную оценку своей деятельности, что подтверждает семантика слов, а также глаголы с положительной коннотацией: «führen», «zurückgehen», «wachsen и др., посредством которых в сознании избирателя укрепляется образ А. Меркель в качестве «стабильного» и «надежного» политического лидера.

Т. Мэй на синтаксическом уровне реализует тактику дистанцирования

с помощью противительных конструкций с союзом «either...or»/ «или...или», условных предложений, в том числе с модальным глаголом «could» (в значении условной формы глагола «can»), а также риторических вопросов, построенных на оппозиции «свой – чужой».

На лексическом уровне Т. Мэй использует названия партий-противников (Labour Party), имена политических лидеров (Jeremy Corban), оценочную лексику относительно деятельности оппонента («controlled/uncontrolled»), лексические единицы «to frustrate», «to play politics», «to fix» (глагол с двойственной семантикой) а также фразы, выражающие выбор/разницу («a choice between», «the difference between» и т.д.)

Несмотря на то, что Т. Мэй успешно дистанцирует себя от других партий-конкурентов, и показывает, в чем преимущества конкретно ее видения управления страной, мы отметили, что она, в отличие от А. Меркель, также «отделяет себя» от британского народа. Как мы упоминали выше, частое использование Т. Мэй личного местоимения «I» не позволяет успешно реализовать тактику отождествления, что в значительной степени дистанцирует ее от избирателя.

В дискурсе А. Меркель такой особенности нами выявлено не было. Тактика дистанцирования выражается, как правило, на грамматическом уровне, например, используются придаточные предложения с противительными союзами (nicht/kein... sondern), а также сложноподчиненные предложения с придаточным условия (союз «wenn» с неизменяемым наречием «dann»), основной функцией которых является структурирование высказывания и «обозначение» границ между «своим» и «чужим» мнением. Кроме этого, мы отмечаем использование канцлером притяжательных местоимений в оппозиции «Ihr»/ «Ваш» – «mein»/ «мой» в качестве морфологического средства. Дистанцируя себя от «других», А. Меркель, тем самым, убеждает электорат в своей независимости и способности действовать, согласуясь с реальными нуждами общества.

Однако она не дистанцирует себя от интервьюера и избирателя в отличие от своей коллеги.

Т. Мэй и А. Меркель, будучи представителями низкоконтекстной культуры, используют схожие языковые средства для реализации стратегии самопрезентации. Однако в англоязычном дискурсе нами отмечается высокая степень персонализации, отсутствие статистических данных и перфектных форм, создающих информативную «наполненность» высказывания. Мы вслед за О.С. Иссерс, объясняем данные «отклонения» индивидуальными особенностями говорящего.

Таким образом, в ходе практического исследования мы, пришли к выводу, что Т. Мэй и А. Меркель для реализации стратегии самопрезентации обращаются к схожим языковым средствам, однако результат получают разный. По результатам голосования А. Меркель прошла на четвертый срок в качестве канцлера Германии, сумев доказать свою «позицию» относительно урегулирования актуальных вопросов в отношении миграционных процессов, происходящих в стране. Залогом успешного построения политической коммуникации является верный выбор лексических и грамматических языковых средств, реализующих стратегию самопрезентации и составляющие ее тактики, в частности, в период предвыборной кампании.

Коллега А. Меркель Т. Мэй, напротив, выбрав стратегию самопрезентации в качестве основной в период предвыборной кампании, получает «неодобрение» избирателя в виде потери значительной части голосов, а также вынужденного разделения власти с другими политическими партиями.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В результате проведенного нами исследования были выделены следующие тактики, реализующие стратегию самопрезентации в текстах интервью Т. Мэй:

- тактика отождествления;
- тактика открытости к публике;
- тактика акцентирования положительной информации;
- тактика дистанцирования;

В текстах А. Меркель нами также выделены следующие тактики:

- тактика отождествления;
- тактика акцентирования положительной информации;
- тактика дистанцирования.

В ходе анализа нам удалось выявить ряд языковых средств реализации вышеупомянутых стратегических тактик на лексическом и грамматическом уровнях.

Из проанализированного нами материала можно заключить, что коммуникативные стратегии и тактики являются основой любой политической коммуникации. В рамках предвыборных интервью стратегия самопрезентации позволяет политическому деятелю сформировать положительное представление о себе (это означает, что сложившийся образ будет соответствовать ожиданиям среды) и создать круг потенциальных избирателей.

Однако следует учитывать такое явление, как отрицательная самопрезентация, которая может возыметь противоположный эффект и стать одной из причин провальной предвыборной компании. Причиной провальной самопрезентации может стать как «опрометчивый» выбор языковых средств, не произведших должного впечатления на общественность, так и индивидуальные особенности говорящего. В ходе сравнительного анализа мы заключили, что, ведя предвыборную компанию, Т. Мэй и А. Меркель

выбирают схожие языковые средства как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Однако также нами были выявлены языковые средства в речи премьер-министра Т. Мэй, нетипичные для дискурса А. Меркель.

Ввиду того, что Великобритания и Германия являются низкоконтекстными культурами, в англоязычном и немецкоязычном дискурсе высоко ценятся открытость и высокая степень информативности.

Т. Мэй и А. Меркель останавливают свой выбор на тактике отождествления, тактике акцентирования положительной информации и тактике дистанцирования от оппонента. Также в дискурсе Т. Мэй нами была выявлена тактика открытости к публике, реализующаяся с помощью лексических единиц «to be open with»; «to trust»/ «to put trust in someone or something». В дискурсе А. Меркель схожую функцию выполняют речевые формы «*wir alle miteinander*», «*wir alle*», «*Ich weiß*», «*Sie haben recht*» в рамках тактики отождествления, выражающие открытую эмпатию к избирателю.

На основе проанализированного нами материала мы считаем, что такие языковые средства, как существительные с обобщенным значением, личное и притяжательное местоимения 1 лица множественного лица «we»/ «wir» (тактика отождествления), оценочные прилагательные (например, «bright», «strong», «confident», «notwendig», «gut»), количественные числительные, перфектные формы в немецкоязычном дискурсе («*die Strukturereformen haben geführt*», «*wir haben Fortschritte gemacht*»), формы будущего времени в англоязычном дискурсе (Present Indefinite, Future Indefinite, Present Continuous, конструкции «be going to», «to be able to»), синтаксические повторы в англоязычном дискурсе, усиливающие эмоциональную составляющую коммуникации (тактика акцентирования положительной информации), притяжательные местоимения в оппозиции «Ihr»/«mein» в немецкоязычном дискурсе, противительные предложения (тактика дистанцирования) и многие др. делают дискурс политиков богатым на факты,

позволяют создать информативную наполненность высказывания.

В нашем практическом исследовании мы выявили ряд отличий англоязычного дискурса от немецкоязычного. Мы отмечаем высокую степень персонализации дискурса премьер-министра Т. Мэй (преобладание личного местоимения «I» над личным местоимением «we»), а также его устремленность в будущее (на синтаксическом уровне: преобладание форм будущего времени (в частности, Present Indefinite, Future Indefinite, Present Continuous, конструкция «to be going to»).

Таким образом, мы пришли к выводу, что в дискурсе Т. Мэй недостаток количественных числительных и форм прошедшего времени (в том числе перфектных форм, выражающих завершенность действия к настоящему моменту), позволяющих расставить акценты на результатах проделанной работы, а также преобладание личного местоимения первого лица единственного числа «I» над личным местоимением первого лица множественного числа «we», приведший к созданию дистанции не только от оппонентов, но и от британского народа, являются главной причиной, по которой стратегия самопрезентации была реализована Т. Мэй не в полной мере и перешла в статус «отрицательной».

В дискурсе А. Меркель, напротив, в рамках тактики отождествления нами было выявлено преобладание личного местоимения первого лица множественного числа «wir» над личным местоимением первого лица единственного числа «I», что позволило канцлеру передать избирателю свое отношение к совместной деятельности, создав эффект «мы-совместного» и, тем самым, продемонстрировать себя в качестве политика, способного на кооперацию.

Кроме этого, мы считаем, что дискурс А. Меркель отличается от дискурса Т. Мэй информативной наполненностью за счет форм прошедшего времени, выражающих завершенность действия, а также количественных числительных (тактика акцентирования положительной информации).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической теории понятие дискурс стало особо актуально в научном сообществе. В результате становления антропоцентрической парадигмы теория дискурса получила значительный толчок в развитии, в частности, были предложены определения и способы анализа с учетом различных подходов. Также предметом исследования ученых стали определенные виды дискурсов, среди которых выделяют политический дискурс.

Понятие «дискурс» представляет собой целенаправленное социальное действие, позволяющее осуществить взаимодействие между людьми и механизмами их сознания. Дискурс, будучи сложным коммуникативным явлением, включающим как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, имеет ряд специфических черт: превосходит предложение по объему, обусловлен социальным контекстом («погружен в жизнь»), интерактивен.

Политический дискурс, являясь одним из наиболее востребованных видов дискурса, нацелен на завоевание и удержание власти посредством коммуникации. Как правило, рассматривается как текст в конкретной ситуации политического общения (например, дебаты, выборы, интервью), с учетом вербальных и невербальных знаков. Представляя собой вид институционального общения обладает статусно-ролевыми характеристиками, включает клишированную лексику (в том числе эмоционально окрашенную), а также обладает определенным набором интенций говорящего.

Жанровое пространство политического дискурса включает в себя политическое интервью, высококонвенциональный, публичный жанр с жестким распределением ролей между коммуникантами и нацеленный на раскрытие наиболее значимых для общества черт политика. Политическое интервью носит декларационный, диалогический и информационно-

интерпретационный характер, что позволяет, с одной стороны, политическому деятелю убедить электорат в необходимости ведения государственных дел в соответствии с его представлениями, с другой стороны, интерпретировать авторское понимание смыслов.

В результате освобождения СМИ от жестких рамок цензуры политический дискурс получил более широкое распространение, а на политических деятелей легла задача уметь презентовать себя на публике. Особенно актуальной данная задача становится в период предвыборной кампании. Выбор тех или иных стратегий и тактик способен предопределить победителя в борьбе за власть.

Коммуникативная стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей. В то время как «тактика» представляет собой «аспектный феномен». Выделяют несколько интенций, присущих политическому дискурсу: побудить потенциального избирателя отдать голос на выборах, завоевать авторитет, убедить адресата в правильности определенной точки зрения, вызвать эмоции или информировать. В период предвыборной кампании реализуются все вышеперечисленные интенции говорящего.

Стратегия самопрезентации используется большинством политических лидеров с целью формирования имиджа. Вербальные составляющие говорящего являются базовым компонентом любой «самопрезентации». Так, выбор языковых средств определяет, насколько удачно или неудачно реализуется выбранная стратегия.

В практической части нашего исследования мы провели сравнительный анализ языковых средств, реализующих стратегию самопрезентации и составляющих ее тактик (тактика отождествления, тактика открытости к публике, тактика акцентирования положительной информации, тактика дистанцирования) в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе.

Основываясь на практическом анализе предвыборных интервью,

мы подтвердили нашу гипотезу: А. Меркель удается представить себя публике с положительной стороны с помощью лексических и грамматических языковых средств и закрепить свои позиции в качестве лидера, ассоциировавшегося с «порядком», «стабильностью», «устойчивостью» и «законностью», в то время как, выбор Т. Мэй языковых средств, реализующих стратегию самопрезентации, не произвел должного эффекта на избирателя.

В англоязычном дискурсе реализации стратегии самопрезентации препятствует явная персонализация дискурса, тогда как в период предвыборной компании (в момент острых общественных разногласий, связанных с выходом из Брексит, а также активными миграционными процессами) важно показать общность взглядов политической элиты со своими гражданами, подчеркнуть необходимость «мы-совместного». Мы считаем, что с данной задачей справляется А. Меркель, неоднократно обращаясь к данному приему.

Кроме этого, в англоязычном дискурсе нами выявлена замена количественных числительных (тактика акцентирования положительной информации) на абстрактные существительные, что придает содержанию высказывания Т. Мэй меньшую информативность, лишая его фактической информации. Также за устремленностью в будущее (преобладание таких грамматических форм, как Present Simple, Future Indefinite, be going to и др.) наблюдается практически полное отсутствие форм прошедшего времени, выражающих завершенность, которые позволяют А. Меркель расставить акцент на достигнутом, представить результат своих трудов общественности.

Дальнейшее исследование англоязычного и немецкоязычного политического дискурса возможно с учетом невербальных составляющих коммуникации, а также могут быть исследованы индивидуальные особенности дискурса Т. Мэй и А. Меркель.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136 – 137.
2. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
3. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН, 1986. С. 100 – 143.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вести Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн., 2009. Вып.1. 2009. С. 145 – 149.
6. Беляева Е.А. Диалог аргументированного типа: когнитивные аспекты; структура, семантика, прагматика (на материале русских и английских текстов интервью): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 239 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Электронный ресурс]. 1974. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74i.htm> (дата обращения: 25.02.2019).
8. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа [Электронный ресурс]. 1999. URL: <https://clck.ru/Gkw2n> (дата обращения: 05.04.2018).
9. Будаев Э.В. Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения 15.03.2019).

10. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Красноярск, 2000. Вып. 1. С. 172 – 184.
11. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса [Электронный ресурс]. 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 20.02.2018).
12. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: «Типографкомплекс», 2000. 304 с.
13. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
14. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. Полис. Политические исследования. 2004. №3. С. 127 – 139.
15. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
17. Григорьева О.Н. Стилистика русского языка. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 164 с.
18. Дьюкина С.В. Структура политического пространства современного общества в рамках информационно-коммуникативной системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. № 1. С. 189 – 196.
19. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс]. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm> (дата обращения: 10.03.2018).
20. Звягина М.Ю. Трансформация жанров в русской литературе конца 20 века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 42 с.

21. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 138 с.
22. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Эдиториал УРСС, 2008. 288 с.
23. Карасик В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена. 2000. 280 с.
24. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2002. 331 с.
25. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.
26. Лавринова Н.И. Textoобразующие характеристики политического интервью // Вест. Поморск. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. Вып. 5. 2009. С. 68 – 71.
27. Лебедева А.А. Специфика интервью как типа дискурса в немецкоязычных СМИ // Вестник МГЛУ. Серия: Вып. 8. 2015. С. 32 – 39.
28. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
29. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипуляторного воздействия. М.: Либриком, 2009. 252 с.
30. Михальская А. К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе: тезисы IV Международной конференции по риторике, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. М., 2000. С. 67 – 69.
31. Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами: многопредмет. науч. журн. М.: ОрелГТУ, 2006. С. 1 – 7.
32. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 467 – 472.

33. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 1992. URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 20.04.2019).
34. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguistica applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. М.: Азбуковник, 2001. С. 181-207.
35. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 2005. 325 с.
36. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. М.: Научное издание, 2007. 250 с.
37. Седов К. Ф. Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 259-268.
38. Серио П., Степанов Ю.С. Квадратура смысла: французская школа анализ-дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: «Прогресс», 1999. 416 с.
39. Сорокина Ю.И. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в педагогическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. 2014. Вып. 88. С. 89 – 92.
40. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности [Электронный ресурс]. 1995. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm> (дата обращения: 25.02.2019).
41. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. М.: Научное издание, 2004. 93 с.
42. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-12.htm> (дата обращения 10.02.2019)
43. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. Наук: Волгоград, 2000. 431 с.

44. Ширяев Е.Н. Общая характеристика парламентской речи и ее особенностей // Культура парламентской речи, М.: Наука, 1994. С. 8 – 22.
45. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 88 – 98.
46. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen: Westdeutscher Verlage, 1994. S. 10 – 28.
47. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. 2019.
URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 02.06.2019).
48. Chafe Wallace. Properties of spoken and written language. Center of the studying of writing: University of California Berkeley, 1987. 27 p.
49. Chafe Wallace. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature. In Spoken and written language: Exploring morality and literacy, ed. D. Tannen, 1982. P. 35 – 54.
50. Chilton P. Analysing Political Discourse. Theory and practice. Routledge, London 2004. 223 p.
51. Cialdini R.B., Richardson K.D. Two indirect tactics of image management: Basking and blasting. Journal of personality and social Psychology, 1980. P. 406 – 415.
52. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1987. 500 p.
53. Duden // Wörterbuch. [Электронный ресурс]. 2019.
URL: <https://www.duden.de> (дата обращения 02.06.2019).
54. Goffman E. The Presentation of Self in Every Day Life. University of Edinburgh, Social Sciences Research Center, Monograph No. 2, 1956. 162 p.
55. Harris Z.S. Discourse analysis // Language, 1952. P. 1-30.
56. Hawthorn J. A Concise Glossary of Contemporary Literary Theory. London, 1992. 210 p.

57. Jones E.E., Pittman S.T. Toward a general theory of strategic self-presentation. Essex: Hillsdale, 1982. 262 p.
58. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. 261 S.
59. Merriam-Webster Dictionary online. [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 02.06.2019).
60. Oxford Dictionary. [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения 02.06.2019).
61. Psychology Dictionary [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://psychologydictionary.org/self-presentation/> (дата обращения 02.06.2018).
62. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983. 272 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- 1) Channel 4 News // Jeremy Paxman interviews Jeremy Corban and Theresa May. 29.05.2017. [Электронный ресурс]. 2017.
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KllymYee9AI&t=12s> (дата обращения 10.06.2019).
- 2) Channel 4 News // Theresa May interview with Jon Snow on the eve of the 2017 UK election. 07.06.2017. [Электронный ресурс]. 2017.
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wgxttIziHhc> (дата обращения 01.06.2019).
- 3) ITV New // Full transcript: Theresa May's exclusive interview after calling for a General Election. 18.04.2017. [Электронный ресурс]. 2017.
URL: <https://www.itv.com/news/2017-04-18/read-the-full-exclusive-interview-with-theresa-may/> (дата обращения 01.06.2019).
- 4) The Spectator // Andrew Neil interviews Theresa May: full transcript. 22.05.2017. [Электронный ресурс]. 2017.
URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2017/05/andrew-neil-interviews-theresa-may-full-transcript/> (дата обращения 01.06.2019).
- 5) BBC // Transcripts. 30.04.2017. [Электронный ресурс]. 2017.
URL: <https://is.gd/pa77PA> (дата обращения 10.06.2019).
- 6) Die Bundesregierung // Im Wortlaut. 21.07.2017. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/GkvuG> (дата обращения 01.06.2019).
- 7) Die Bundesregierung // Im Wortlaut. 29.08.2017. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/Gkvum> (дата обращения 01.05.2019).
- 8) Die Bundesregierung // Aktuelles. 04.09.2017. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/Gkv4N> (дата обращения 01.05.2019).
- 9) Die Bundesregierung // Im Wortlaut: Merkel. 07.07.2019. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/GkvgV> (дата обращения 01.06.2019).

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02. Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 О.В. Магировская

« 04 » 2019 г.

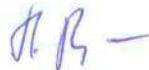
БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ Т.МЭЙ И А.МЕРКЕЛЬ)

Выпускник

А.П. Свищева

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. каф ТГЯиМКК

Л.М. Штейнгарт

Нормоконтролер

С.В. Кузьмина

Красноярск 2019